

Няня для дракоши

Автор:

Ульяна Гринь

Няня для дракоши

Ульяна Гринь

Я нашла в лесу замерзающего дракошу. А оказалось, что это наследник империи, маленький мальчик, одинокий и дерзкий. Теперь я няня в другом мире, живу среди полуящеров в замке и пытаюсь узнать, кто постоянно покушается на моего подопечного. Его надменный папаша строит мне не то козни, не то глазки – как их понять, этих драконов?

Ульяна Гринь

Няня для дракоши

Глава 1. Маша, Паша и питбуль

Телефонный звонок разбудил меня на два часа раньше, чем полагалось по мнению будильника. Нащупав мобильник, я с секунду тупила, глядя на экран, а потом просто сбросила звонок. Откинувшись на подушку, услышала ворчливое:

– Опять звонят. Опять. Опять звонят.

– Отстань, Паш, – пробурчала я и накрылась одеялом с головой.

– Звонят. Опять.

– Спи!

Трындит и трындит без толку. Но поспать нам не удалось. Телефон настойчиво запиликал опять. Я застонала. Да что ж такое, неужели даже в воскресенье нельзя выспаться?! А от окна снова раздалось противное:

– Звонят-звонят-звонят!

И дьявольский хохот. О, господи... Я откинула одеяло и взяла трубу, приняла звонок:

– Слушаю...

– Машенька, дорогая, прости, пожалуйста, что беспокою так рано в выходной, но ты сама понимаешь, у нас ни выходных, ни отпусков, ни праздников!

– Елена Сергевна, ничего страшного, – пробормотала я, пытаюсь разлепить веки. – Что случилось?

– Золотце, мы на объекте как раз! Блин, тут такое! В общем, изымаем, как обычно, сама понимаешь, ну тут мелочь – йорки, шитцу, чихуашки, мопсы... Это мы пристроим, это ничего, но тут питбулиха на цепи сидит! С течкой! А куда я её с течкой дену? Мои с ума сойдут, ты же знаешь, а девочкам уже звонила, нигде нет свободной клетки, только коллективные. А куда её в коллективную? Может, возьмёшь, Машенька?

Я села на кровати, свесив ноги. В тапки не попала и поджала пятки, спасаясь от холодного пола. Питбулиха с течкой. Только этого мне и не хватало!

– Машенька, собаку стерилизуем, вот течка пройдёт, и сразу на операцию, а держать пока негде, помогай, золотце, я тебе за это корма привезу! Машунь!

– Елена Сергевна, у меня же Малыш. Ну, вы же в курсе.

– Малыш дурик! – отозвался Паша.

– Пашке привет от меня! – снова зачастила Елена Сергевна. – Слушай, ну поддержи эту красотку на цепи пока, я же видела, у тебя цепь от старых хозяев осталась.

– Вы живодёр, знаете ли. На цепи!

– Машенька, лучше у тебя на цепи, чем в приюте. Она же всех порвёт! А в клетке дома держать не могу, понимаешь? Не могу!

Я понимала. У Елены Сергевны четыре кобеля дома, и все не маленькие. В двушке. И пять с половиной кошек, если считать месячного котёнка, выкормленного из пипетки. А у меня кисы – свободные, гуляющие дамы, да и Малыша можно ограничить. Подниму заборчик, который сняла. Цепь... Да, цепь висит, я к ней шину для Малыша привязала.

– Ладно. Когда привезёте? – сдалась я, нагнувшись в поисках тапочек. Их под кроватью не оказалось. Опять Цезарь спёр! Вот зараза!

– Сегодня к вечеру нормально будет? У нас этой мелочи целая стая, просто не представляешь себе ужас, который тут творится! Вот как разгребёмся – я к тебе сразу, договорились?

– Договорились, – со вздохом ответила я, сбрасывая звонок. Спать сегодня уже не придётся.

Я встала и погладила потревоженную Касю. Чёрная кошка лениво подняла голову, зевнула и повернулась на спину. Лапы в стороны, хвост верёвочкой, поза буквой зю. Артистка! Ладно, где же мои тапочки?

Накинув халатик, завязала пояс, огляделась. Бася на кресле, розовый нос в белое брюшко – прямо уроборос кошачий какой-то. Мисс Гранжер – в лукошке у печки. Любимое место. Тепло, светло, вся комната как на ладони. Где же тапочки? Дверь-то закрыта.

– Где мои тапочки? – спросила в пространство. Пашка отозвался немедленно:

– Цезарь, мелочь пузатая. Цезарь. Цезарррь, ко мне!

– Ты уверен? – я, поджав губы, уставилась на него. Попугай встопорщил остатки перьев на загривке, встряхнулся, совсем как собака, и сообщил:

– Цезарь опять украл тапочки. Цезарь – мелочь пузатая. Фу, нехорошая собака.

А потом наклонил голову, кося выпуклым чёрным глазом, и осведомился ласково:

– Яблочко будешь?

– Не буду. Мне надо кофе, – вежливо отказалась я. Пашка фыркнул моим голосом:

– Макария-Швейцария! Кофе. Фу, какая гадость.

Фейспалм летучий, а не попугай! Я похлопала по плечу:

– Ладно, пошли, дам яблочка.

Пашка распустил крылья, словно чайка на взлёте, нерешительно потоптался по своей жёрдочке и тихонечко пропел:

– Ма-а-ашенька, хорошая Ма-а-ашенька!

– Подлиза, пошли уже. Ногам холодно!

В доказательство я переступила пятками по крашеным доскам пола. Пашка резво запрыгнул мне на плечо, почти не помогая себе крыльями, уцепился за ткань халатика когтями и принялся нежно перебирать мне волосы за ухом:

– Ма-а-ашенька. Яблочко будешь?

– Отстань, – открыв дверь в кухню, я ступила на старенький тканый половик, доставшийся от старых хозяев.

– Цезарь – мелочь пузатая. Каська, пусти попугая! Рыжая зараза. Малыш. Р-р-рав! Ав-ав!

– Перестань ябедничать, – против воли прыснула я, а Пашка придержал моё ухо и доверительным тоном просвистел прямо в барабанную перепонку:

– Опять тапочки спёр! Мышка, мышка! Бася хитр-р-рожопая.

– Да знаю я всё это! Чего бы нового рассказал.

– Пашка – порода русскоговорящих попугаев с красным носом, отличается умом и сообр-р-разительностью, – заявил ябеда и перепрыгнул на стол, пока я искала тапки, приподняв скатерть. – Пашка отличается умом! Пашка с носом.

– Пашка балбес, – отмахнулась я, оглядывая кухню, по совместительству хомячатник, птичник и гостиную. Отдёрнула шторы. В клетках сразу зашевелились, подали голос. Пашка захлопал крыльями, вытянувшись, издал громкий вопль и с усилием перелетел на вольер волнистиков:

– Тишина в стр-р-рою! Молчать! Всех на улицу! Всех! На улицу!

Птички тут же притихли перед строгим генералом, только хомячиха Мышка ломанулась к своему колесу и побежала ежедневный марафон. Колесо закрипело как несмазанная телега, и я поморщилась. Как буду чистить клетки, капну маслом, а то невыносимо просто.

Да где же тапочки?!

– Цезарь! – громко, но ласково позвала я, внимательно оглядывая возможные нычки противной собаки. – Цезарь, иди ко мне, маленький! Иди ко мне, что я тебе да-а-ам!

– Цезарь – мелочь пузатая, – презрительно отозвался Пашка и, вытянув голову, залился самым натуральным лаем крохотной собачонки. Волнистики зачирикали громче воробьёв, а щеглы засвистели от возбуждения.

– О гос-с-споди, – прошипела я. – Пашка, ты балбес!

Но попугай не замолчал, а продолжил лаять, взвизгивая периодически. И ему в ответ раздался точно такой же лай из-под печки. Пашка резко оборвал свою песню и, чистя клювом коготь на лапе, сказал обличающим тоном:

– Цезарь. Тапочки спёр. Цезарь – пузатая мелочь.

Я присела на корточки и заглянула в подпечье. Там хранились собачьи кастрюли и миски, а среди этого богатства залёг Цезарь прямо на моих тапочках.

– Ай-ай-ай, какая нехорошая собака, – покачав головой, я вытащила чихуашку за ошейник из-под печи, и он приехал в кухню лапами в тапочках. В больших выпученных глазёнках ясно читался укор и возмущение, но хвост был поджат под задние лапы. В прошлом Цезаря носили исключительно на руках и в сумочке, оставляли в машине на полдня и спускали на пол, только чтобы позволить сходить в лоток. В результате собака заработала хроническую почечную недостаточность и фобию на траву, снег и асфальт. Ещё Цезарь кусался в любой непонятной ситуации, а укусы крохотных и острых, как зубчики вилки, клыков – это, знаете ли, ещё «приятнее», чем кошачьи царапки.

– Цезарь противный! – снова вякнул Пашка и захохотал, как доктор Зло. А я всё никак не могла привыкнуть к этому его смеху, даже вздрогнула и плюнула:

– Пашка, прекрати! Цезарь хороший мальчик. Правда, Цезарь?

Хвостик выбрался на свободу и завилял легонечко. Я вытащила тапки из-под собаки, с облегчением сунула в них ноги, старательно игнорируя обслюнявленный верх, и вздохнула:

– Ну, вот и новый день.

– День, тень, пеня на плетень, – перечислил Пашка. Гугл-рифма, да и только. Включила чайник и достала из шкафчика яблоко. Пашка тут же вспорхнул на стол, крутясь возле ножа, которым я кромсала фрукт:

– Яблочко будешь? Будешь? Яблочко! Пашка с носом!

– Смотри, обрежу – останешься без носа, – предупредила я попугая и протянула ему кусочек: – На, лакомись, оторва!

– Пашка... чавк-чавк... хороший мальчик.

– Да-да, конечно.

Чайник зашумел, вызвав оживление в клетках. Но на волнистиков с их чириканьем я уже давно научилась не обращать внимания. Две ложечки растворимого кофе, ложечка сахара, кипяток и сливки. И день может начинаться.

Выпив свою законную утреннюю чашку, я сунула босые ноги в валенки, надела старенький ватник и позвала:

– Цезарь, гулять!

Рыжая молния метнулась мне под ноги и завертелась угрём, поскуливая. Открыла дверь на террасу, а потом и входную, скинув засов. Чихуашка вылетел во двор, оставив на крыльце цепочку крохотных следов, и нырнул под штакетины палисадника в глубокий снег. Сбоку чихнули, а из кухни донёлся голос Пашки:

– Малыш дурик!

Закрыв дверь, я фыркнула:

– Прямо Пашка не дурик!

Большая лохматая голова ткнулась мне в бок. Я запустила руку в шерсть на загривке и с силой почесала. Малыш чуть двинулся, и мне пришлось ухватиться за перила, чтобы не упасть. Оттолкнув собаку, с нежностью пожурила:

– Ты всё-таки дурик! Убьёшь меня когда-нибудь.

Ласковое ворчание было мне ответом. Малыш отряхнулся от снега и наледи очень обстоятельно: сначала головой помотал, потом всем мохнатым телом,

закончил кончиком пушистого хвоста – и начал медленно спускаться по ступенькам. Я проследила за толстым бело-рыжим задом и с наслаждением вдохнула морозный воздух. Середина января выдалась снежной, а в городе, наверное, слякоть. Нет, всё-таки отличный домик мне дали, несмотря на воду из колодца и печное отопление. Небольшой, но тёплый. И пол не проваливается, как у некоторых. Видала я эти бесплатные дома для детей-сирот.

– Цезарь, ты где?

Крикнула и вгляделась с улыбкой в припорошенный снежком двор. По следам можно найти чихуашку. Пусть гуляет. Это уже счастье, что Цезарь не трясётся от ужаса, как раньше, стоит лишь его спустить на землю. Писался и какался, просто оказавшись на снегу. Теперь вон – бегаёт, скачет из сугроба в сугроб.

Малыш попёрся с весьма деловым видом обходить вверенную ему территорию. Он у меня парень серьёзный, не то что некоторые попугаи. Впрочем, московская сторожевая на то и сторожевая, чтобы сторожить. Обходить тут не слишком много, весь участок шесть соток – как дача. Но Малыш относился к своим обязанностям очень ответственно. А я пошла отвязывать от цепи шину.

К обеду всё было готово к приезду новой пансионерки. Заборчик осталось только укрепить. Я вбила штакетины в мёрзлую землю – не без обуха и такой-то матери. Цепь натяну, чтобы мадам питбулиха не доставала до забора, а вот Малыш вполне может всей тушей опереться на него и снести часть. Поэтому надо примотать проволокой секции одну к другой. Но как тут закончить всё, когда: впусти Цезаря, выпусти Цезаря, отгони кур, отгони Цезаря от кур, отгони Цезаря от Малыша?..

Поэтому в обеденный перерыв я накрепко заперла чихуашку в доме, решив не обращать внимания на его возмущённый скулёж, а Малышу велела охранять крыльцо. Мало ли, вдруг кто-то решит украсть ступеньки! А тут как раз Малыш. Зарычит, залает басом, и воры сразу убегут.

Шутки шутками, но питбулиха с течкой казалась мне чем-то сакральным и ужасным. Не для того я принимаю собак на передержку, чтобы потом раздавать щенят-метисов. И почему Елена Сергевна решила осчастливить именно меня? Впрочем, к чему этот вопрос? Она знает, что я не откажу. Но не наглеет, понимает, что всю зарплату я трачу на своих постояльцев. И питбулиху с течкой

я приму, и Малыша от неё буду отгонять.

Жареная картошка с сосиской вызвала повышенное слюноотделение у Цезаря, который внезапно вспомнил, что был рождён карманной, ручной собачкой, принялся скакать на задних лапках и умильно складывать передние перед грудью. Пашка, пользуясь своим положением крылатого, утащил с тарелки кусок картошки и склевал потихонечку, дразнясь:

– Цезарь, нет! Фу! Цезарь, противная собака. Кушать, кушать!

– Пашка, отстань от бедного Цезаря, – не прекращая думать о заборе, попросила я. Попугай бочком, осторожно поглядывая на меня, подобрался к тарелке, примерился и стащил второй кусок картошки. Ускакал с ним на другой конец стола и вредным голосом Елены Сергевны выкрикнул:

– Машенька, золотце! – и продолжил уже моим голосом: – Цезарь спёр тапочки. Бася мышку притащила. Малыш дурик. Пашка дурик, хороший мальчик.

Клюнул картошку и нежно пропел:

– Пашка, не воруй, перья повыдергаю. С носом.

– Ага, и повыдергаю, вот увидишь! – усмехнулась я. – Тебе вредно есть картошку.

– Кар-р-ртошку! – Пашка изобразил звуки страстного поцелуя. – Кар-р-ртошку Пашка. Перья!

– Они у тебя сами повылазят от такой диеты.

Пашка фыркнул и принялся расклёвывать добычу. Я только покачала головой.

К вечеру секции заборчика были примотаны одна к другой так крепко, как я только смогла затянуть проволоку. Правда, от экспериментов пришлось отказаться ввиду полного и окончательного равнодушия Малыша к ограде. Я не смогла заставить эту тушку даже подойти, не то что ломануться сквозь нее. Ну, посмотрим по обстоятельствам. В крайнем случае, Малыш будет ночевать на террасе. А для питбулихи я вытащила из сарая будку, в которой когда-то давно

жила цепная собака прежних хозяев дома, натаскала туда тряпок, положила старый пуховик, найденный на чердаке, и даже игрушку добавила. Мне иногда присылали корм и игрушки для собак благодетели с сайта приюта. Но Малыш играть не любил, а Цезарю даже самый маленький жгут не влезал в пасть.

Курочки заполошно гонялись за зёрнами, которые я кидала в стайку, чтобы не скучно было. Цезарь залез на загривок Малыша, который лежал на дорожке, уткнув нос в бедро. Когда они не ссорились, эти двое были просто идеальными друзьями. Хотя я подозревала, что со стороны чихуашки тут было больше выгоды, чем дружбы.

Зафырчал мотор. Из-за чёрной пелены веток показался кузов старенького внедорожника. И как эта колымага ещё не развалилась? Впрочем, Елена Сергевна способна даже разваленную машину склеить скотчем и закрепить скрепками и снова рулить по городам и весям, чтобы спасти собак и кошек. Бросив последнюю горсть зерна, я закрыла загон с курочками и пошла навстречу гостям. Машина тормознула у ворот, дверца открылась, и я услышала голос женщины:

– Да ну ё-моё, что ж такое?! Машенька, золотце моё, тут кто-нибудь снег разгребают или всем вообще пофиг?

– Здравсьте, Елена Сергевна, – весело поздоровалась я. – Я разгребаю, когда наметёт. А что?

– Ой, умаялась я, вообще...

Она шумно выдохнула, вытирая пот со лба, и упёрла руки в необъятные бока:

– Ладно, принимаешь красавицу? А то она уже всю сидушку мне истоптала! Чесслово, скачет туда-сюда, будто волнуется: а куда я её везу?!

– Принимаю, куда ж я денусь, – со вздохом я открыла заднюю дверцу. Питбулиха сидела на жопе и улыбалась во всю ширь своей сорокадвухзубой пасти. Натурально улыбалась, да ещё и так заискивающе, что я аж замерла. Надо же! Никогда не думала, что питбули, да и вообще собаки, могут заискивать. А эта даже в глаза заглядывает, хотя не должна. Такое поведение вообще не свойственно собаке.

– Ну, гляди, какая чудная девка!

Елена Сергевна протянула руку и достала поводок, подтянув питбулиху к выходу:

– Пошли, милая моя, давай! Я тебя доставила на временное место проживания, уж будь лапочкой!

Получив петлю поводка из рук начальницы приюта, я присела на корточки перед спрыгнувшей на землю собакой и протянула ей ладонь:

– Ну, привет! Ой, а как её зовут?

– Пока никак. Чипа нет, татушки тоже, поискали в базе потеряшек – нету. Неопознанная девица. Никаких записей в этом борделе, то есть в питомнике, не нашли.

– Что ж ты такая неудачливая? – спросила я у питбулихи, осторожно вытянув руку и почесав шею. Собака сначала зажмурилась от удовольствия, позволяя теребить коротенькую шерсть под пастью, а потом снова глянула мне в глаза. Причём таким взглядом, что у меня всё перевернулось внутри. Словно просила помощи и говорила: «Я хорошая, правда, честно!»

Непонятно.

Ну да ладно. Я встала, обернулась к Елене Сергевне. Та уже вовсю чесала через забор загривок Малыша и пыталась достать подпрыгивающего Цезаря:

– Ах вы, мои хорошие! Ах вы, мои сладенькие! Малы-ы-ыш! Заинька мой! Цезарь, заразенька мелкая! Слушай, Машунь, а Цезарь поправился или мне кажется?

– Рррав! Ав! – сказал Малыш по направлению питбулихи. Та отвернулась и даже, как мне показалось, задрала нос. Цезарь же залился своим противным мелкопсовым лаем, стараясь протиснуться между штакетинами забора. На него гостя не обратила ни малейшего внимания, даже носом в его сторону не повела. Зато присела прямо у калитки, глядя на дом напротив, и напрудила лужу в мгновенно подтаявший снег.

– А ну! – Елена Сергевна прикрикнула на моих кобелей. – Тишина! Будто девочку никогда не видели! Давай, Машенька, нарекай красотку!

– Почему я? – поглаживая завертевшуюся возле меня питбулиху, удивлённо спросила я.

– Ну а кто? Не я же! У меня мозги плавятся уже.

– Ну, пусть будет Глаша.

– Глаша?

Елена Сергевна с недоверием посмотрела на меня:

– Почему Глаша?

– Потому что гладиолус, – усмехнулась я. – Ну посмотрите на неё: вылитая Глаша-колхоз! И в то же время она совсем не так проста, как кажется.

– Глаша так Глаша, – пожав плечами, согласилась Елена Сергевна. – Сейчас так и запишу. Чип мы ей поставили, веткнижку завели, надо только имя вписать.

Она достала с переднего сиденья пухлую папку, вытащила одну из множества синеньких книжечек и прицелилась ручкой на первую страницу. Оглянувшись на притихших собак, которых гипнотизировала улыбающаяся питбулиха, я сказала:

– Пишите лучше «Глафира». Походу, она не такой уж и колхоз, эта сука!

– Чего это?

– К ней хочется вообще на «вы» обращаться.

– Даже на «вы» и даже шёпотом – с питбулями это обычно не проходит! – хохотнула Елена Сергевна, но вывела на первой страничке округлыми буквами имя «Глафира». – Всё, забирай паспорт, собаку, а я попробую задним ходом выбраться от вас. Ни пуха ни пера. Звякни, как течка прекратится.

Прооперируем и заберём в приют.

– Замётано. – Я сунула книжечку в карман ватника и, пристально глядя на питбулиху, похлопала по верху забора: – Прыгай!

– С ума сошла девка! – всплеснула руками Елена Сергевна. Глаша презрительно, как мне показалось, глянула на женщину, потом так же пристально – на меня и одним махом, как распрямившаяся пружина, перескочила через штакетины.

– И – вуаля, – подытожила я. – Пойду привяжу её.

– Развлекайся, – засмеялась Елена Сергевна и полезла в машину. А меня пронзило странное ощущение, что сегодня в моей жизни приключился лютый пи..., то есть новый поворот.

Глава 2. Незвестный науке найдёныш

С утра снег подтаял и почти сошёл. А потом ударил морозец. Я этому делу очень обрадовалась, потому что месить грязь, пусть и резиновыми сапогами, мне не хотелось. А с Глашей надо гулять. Это существо, которое я собиралась оберегать от Малыша, построило и москвича, и чихуашку. Малыш сделал всего одну попытку добраться до течной суки и убежал на крыльцо с поджатым хвостом. Пришлось на ночь впустить его на террасу, потому что трусишка царапался в дверь и скулил. А Глаша гремела цепью, бегая вдоль заборчика, и рычала на пса. Цезарь же припёрся к дамочке – пролез под штакетинами – и попытал счастья, пока она лежала возле будки, но одним взмахом хвоста был отметён далеко. И надолго, если не навсегда.

Поэтому за честь и достоинство Глафиры я больше не волновалась. Но просто оставить её сидеть на цепи до конца течки не могла. Собака была мускулистой, подтянутой, не жирненькой, чем часто грешат стаффы и питбули, пролёживающие диваны без долгих прогулок. Значит, с этой собакой гуляли, бегали, наращивали ей мышцы. Вот и я погуляю, а то и сама засиделась на месте.

Взяв с террасы крепкий поводок, выданный когда-то для Малыша, я спустила Глашу с цепи и застегнула карабин поводка на ошейнике питбулихи. Карабины – крепкие, ещё советские, прислал приюту один старик, бывший скалолаз, а поводки плели из паракорда ребята-инвалиды. В общем, за Глашино обмундирование я была совершенно спокойна: сделано на совесть. А вот свои силы явно не рассчитала.

До забора Глаша вела себя прилично. А вот когда я закрыла калитку, собака рванула так, что, не намотай я петлю поводка на запястье, провезла бы меня по дороге животом. Я рванула в ответ, чувствуя боль в руке, но Глаша этого даже не заметила.

– Не зли меня, девочка! – бросила я собаке, подтягивая поводок. – Я и не таких слоников выгуливала!

Глаша подняла на меня взгляд, вывалив язык, и села. Плюхнулась на жопу, поджав хвост. А вот сейчас я не поняла. Не легла, отказываясь двигаться, не потянула, хрипя и задыхаясь. Не как нормальная питбулиха. Не как нормальная собака.

– Ладно. – Я выдержала пристальный взгляд и прищурилась: – Чего ты хочешь, Глафира?

Собака улыбнулась, поднимаясь, и затрусилась по улице. Даже так? Окей. Я пошла за ней, потихоньку попуская поводок. Глаша довела меня до конца улицы, нырнула в проход между домами и потянула дальше, за околицу посёлка. А там – поля. Когда-то колхозные, а теперь фермерские. Грязные. Чуть подсохшие.

– Глаша! – взмолилась я. – Давай по тропинке до леса, а?

Но собака упрямо трусила вперёд, по прямой. Даже не трусила уже, а пёрла. Трактор, блин, а не питбуль! И не откликается, даже внимания на меня – ноль! Я уж и дёргала, и пыталась ногами тормозить... Всегда думала, что смогу управлять любой собакой, ведь опыт есть! Но Глафира вела себя настолько упрямо, что я сдалась. Пусть выпустит пар, а потом займёмся воспитанием этого танка.

За полчаса прогулки у меня совершенно задубели руки. Ещё бы: так вцепилась в поводок, пытаюсь хоть как-то притормозить Глашу. В лесу вообще стало страшно. Ведь собака тащила меня туда, куда могла пролезть сама, а пролезу ли я – её не интересовало. Перебираясь через бурелом, протискиваясь сквозь кусты, я тихо материлась, пыхтела, вспоминала мать Глафиры и всех любовников оной матери, но следовала за питбулихой. «Кто кого переупрямит» – это же мой девиз по жизни!

Но внезапно Глаша коротко взвизгнула и метнулась к груде валежника под деревом. А я закричала:

– Фу! Глаша! Фу! Не трогай это!

Какая-то тёмная масса валялась на снегу, почти скрытая ветками. Главное – не дать противной собаке вымазаться в дерьме или слопать падаль! Я ж не отмою потом эту заразу! И ветеринара вызывать денег нет. Однако Глафира ничего такого делать не собиралась. Она принялась лизать и подпихивать носом тёмную массу, которая оказалась... ящерицей! Огромной, застывшей, но, похоже, ещё живой.

– Господи, это ещё что такое?! – воскликнула я, подходя ближе. И снова собака удивила меня: глянула таким взглядом, что всё в груди перевернулось. Словно умоляла спасти. Осторожно коснувшись пальцем холодной чешуи, я глянула: может, откроет глаза или шевельнётся? Но тушка осталась неподвижной. Глаша метнулась вокруг меня, начала с остервенением вылизывать страшную ушастую и рогатую морду. И чудо случилось: веко дёрнулось, ужастик шевельнул лапкой.

Я только охнула. Мне стало жарко. Сорвав с плеч куртку, аккуратно накрыла ящерицу, подхватила её на руки и скомандовала Глаше:

– Давай-ка теперь, води нас домой!

Ещё бы: самой мне ни за что не найти дорогу. Однако умная собака поняла сразу. Подняв нос, понюхала воздух, метнулась туда-сюда и попёрла снова через лес. Надеюсь, что у неё встроенный навигатор, потому что без куртки холод начал кусаться, да и ящерица оттягивала руки. Приду домой, откачаю это существо и посмотрю, что за вид такой непонятный.

Обратная дорога заняла у нас даже меньше времени, потому что Глафира врубила шестую скорость, а я неслась, едва успевая перебирать ногами, и думала, что руки точно отвалятся. Только бы не уронить эту тяжесть! Завтра я точно буду стонать от такой прогулки и ноющих мышц.

Ворвавшись на участок, я бросила поводок Глаши и ногой захлопнула калитку. Понадеюсь на ум питбулихи, если он у неё есть. А пока надо очень быстро согреть ящерицу. Положу в корзинку возле печки. Мисс Гранжер подвинется. Ну, или сверху ляжет. Так даже лучше.

Цезарь прыгнул лапками мне на ноги, встречая, попытался дотянуться до свёртка в руках, но ничего не вышло. Тогда чихуашка залаял – пронзительно и требовательно. Тут же отозвался Пашка с клетки волнистиков:

– Цезарь, фу! Хорош визжать, дурик!

– Ну вас, – бросила я обоим и открыла дверь в комнату. Бася лениво подняла голову и вопросительно мяукнула. Корзинка у печки пустовала, видно, Мисс Гранжер решила прогуляться. Ну и слава богу. Я сгрузила обмякшее тело ящерицы в корзинку и, вытащив из-под него куртку, накрыла одеялом, которое сушилось на печке. Укутала хорошенько, подоткнула, потом распрямилась и обвела взглядом комнату. Что бы ещё накинуть на этого найдёныша? Нашла в шкафу свою тёплую кофту, которая грела меня ещё в детдоме, и положила на одеяло. Подкинув пару полешек в печь, услышала визг собак на улице.

Ох, хоть бы Глафира Малыша не покусала! Она способна!

Распахнув входную дверь, увидела москвича, который жался к стенке дома. А Глаша метнулась между моих ног, прежде чем я смогла схватить её за поводок.

– Куда?! – завопила я, перепугав попугайчиков и щеглов, бросилась за питбулихой в комнату, едва не наступив на Цезаря. Тот шуганул под печь, Пашка заорал:

– Аларм! Аларм! Свистать всех наверх! Перья повыдергаю!

Кошки! В комнате же кошки! Я же не знаю, как питбулиха относится к кошкам. Влетев в комнату, обнаружила Басю на шкафу, Каську на шторке у карниза, а Глашу... в корзинке с ящером. Питбулиха лежала, обнимая лапами укутанного в тёплое найдёныша, и с остервенением вылизывала тупорылую мордочку.

– Ну, Глафира... – протянула я. – Ты меня удивила!

Собака подняла на меня взгляд, на миг прервавшись, словно сказала, что я зря сомневалась, и с удвоенной силой принялась лизать ящерицу. Скребя коготками по крашеным доскам, пришкандыбал Пашка, осторожно заглянул в корзинку и удивился:

– Дурик?

– Сам ты дурик. – Я протянула руку к попугаю: – Иди сюда, оставь их в покое.

– В покое, в покое, – проворчал Пашка, отскакивая от меня и косясь на Глашу. – Дай яблочка! Дай, Ма-а-ашенька!

– Дам, погоди. Не хочешь со мной, ну и сиди тут. Тебя Глаша съест, и поделом тебе.

– Гла-а-аша, хорошая Гла-а-аша, – тут же попытался подлизаться к питбулихе Пашка, а я против воли захохотала:

– Ну ты, Пашка, жук!

– Пашка – попугай, – обиделся он. – Отличается умом и сообразительностью. С носом.

И гордо заковылял под кровать. Глафира только башкой повела, и мне почему-то показалось, что она мысленно профейспалмила. Глупость, конечно, но мало ли, мы же не знаем, о чём думают собаки.

Сняв Касю с занавески и прижав к себе, я присела на кресло у окна и взяла телефон. Для начала надо попытаться узнать, как лечить ящерицу, если она вдруг заболит. Нет, даже не так. Ящерица точно заболит: провести неизвестно

сколько времени в лесу на снегу – не пройдёт даром. А к ветеринару её везти не вариант, у меня же машины нет. Если только договориться с тем, которого обещала прислать Елена Сергевна?

А что это вообще за ящерица? За бытность свою передержкой и приёмной «мамой», я два раза видела агам: взрослую тварь в сорок сантиметров и мелкого детёныша с ладонь длиной вместе с хвостом. Но на агаму мой найдёныш похож только отдалённо. У него рожки, как у козы, только не острые и не загнутые, а смотрящие вперёд. А ещё, похоже, у него есть крылья. Самые настоящие. Разве бывают ящерицы с крыльями?

Яндекс уверенно сказал, что бывают. А ещё они бывают с рогами. Но не вместе. Или – или. Мой же экземпляр, получается, мутант какой-то. Хотя до Чернобыля отсюда далеко.

Я встала, переложила кошку на кровать и присела к лукошку. Глаша задрала морду, приподняла брыли и оскалилась. А я погрозила ей пальцем:

– А ну, не балуй! Мне нужно посмотреть.

Питбулиха отвела взгляд и опустила морду на одеяло, предоставив мне доступ к ящерице. Я откинула ткань, коснулась жёсткой шеи и с удовольствием отметила, что чешуйки уже не были холодными. Нагрелись. Погладив животное, я подумала, что надо обустроить ему какой-нибудь террариум. Но потом. Сначала, наверное, просто лампу. Ящерицам нужно тепло, много тепла, а печки будет недостаточно. Бедный малыш... Настродался. Но теперь всё будет хорошо, я его выхожу.

* * *

Это утро началось, как и десяток предыдущих. Я проснулась от звука будильника, потянулась за телефоном, кряхтя. Отключив звонок, вытянула руки и погладила тёплое, даже жаркое тело ящерицы. Я назвала её Нексус, как магический источник энергии трёх сестёр-ведьм. Ну вот как-то решила, что это мальчик. Некс совершенно оправился от пребывания в холодном лесу, каждый день с наслаждением грелся под лампой, полуприкрыв глаза, а потом бегал по всему дому за Пашкой, стараясь достать его из-под дивана или с клетки. Даже волнистиков один раз опрокинул. Пришлось ругаться. Некс вроде как устыдился,

сразу сбежав в свою корзинку у печки, а попугай выучил несколько новых выражений.

Вот и теперь он сонно подал голос с жёрдочки:

– Ма-а-ашенька, крылья пообрываю! Рога обломаю!

– Если ты мне, Пашка, то у меня крыльев нет, – усмехнувшись, я оторвала от себя цепкие лапки Некса и сгрузила тяжелое тело ящерицы на пол. Потянувшись, Некс расправил крылышки и потрепыхал ими в воздухе, потом зацокал коготками к двери, поднялся на задние лапы и дотянулся до ручки.

– Некс, зачем безобразия творишь? – усмехнулась я. – Пашка, пошли, яблочка дам.

Попугай встрепенулся, услышав знакомое слово, и распустил крылья:

– Яблочко! Яблочко будешь?

– Буду, буду, – пробурчали из кухни тонким голоском. Я замерла. Кто это? Пашка тут, а в комнате только волнистики и щеглы, которые говорить не умеют. Выглянув из комнаты, я осмотрелась. Цезарь носился кругами вокруг стола, пытаюсь в прыжке цапнуть Некса, который взобрался на стул и уже торчал столбиком, опираясь передними лапами о стол, в ожидании завтрака. А больше никого не было.

– Во. Глюки. Началось, – сказала я сама себе. – Пора к врачу идти и таблетки глотать.

Лежавшая на подстилке у двери Глафира подняла голову с лап и смачно зевнула, будто посмеялась надо мной. А мне стало совсем не по себе. Надо что-то с этим делать, надо найти хотя бы соседку какую-нибудь. Вон, комната маленькая стоит, барахлом от прошлых хозяев забитая. Разобрать тряпки и коробки, матрас поменять и найти жиличку, чтобы было с кем словом перемолвиться, кроме безмозглого попугая.

Я взяла из шкафчика яблоко, потом ещё одно – вспомнила, что теперь не только Пашка лакомится, но и Некс, принялась резать их кусочками. Попугай, тяжело хлопая крыльями, прилетел из комнаты и уселся на стол, опасно поглядывая на ящера. Тот тянул когтистую лапку за яблочком, не боясь ножа, а Пашка, щёлкнув языком, сказал моим вредным голосом:

– Останешься без носа!

Некс фыркнул на него самым натуральным образом, так что облачко пара вырвалось из пасти. Я изумлённо глянула на ящера, потом дыхла сама. Ничего. Не может быть, чтобы дома было настолько холодно! Что за чудеса? Лютый пи..., то есть новый поворот, снова выглянул из-за угла, мерзко хихикая. Теперь у меня не только слуховые, но и зрительные галлюцинации! Прелестно...

– Эх, дети мои, ваша Маша двинулась умом, – вздохнула я, подвигая Нексу и Пашке по кусочку яблока. Попугай схватил свой, утащил подальше от ящера и сказал, чавкая:

– Машка дурик.

– Точно-точно, я дурик, – кивнула печально.

Со двора раздалось громкое «р-р-рав» Малыша. Ох, кто это ко мне пожаловал? Москвич так встречал только знакомых, на незнакомых лаял долго и сердито. Выйдя на террасу и выглянув в окошко, я улыбнулась. Соседка, тётя Лида. Ну, хотя бы без Люсьенчика пришла. Карликовому пуделю, капризному и своенравному, требовалась стрижка каждые три месяца. Вопреки здравому смыслу, я всегда стригла Люсьена бесплатно, а за это тётя Лида присматривала за моими зверятами в те дни, когда я ездила в город с ночёвкой. У соседки был и ключ от моего дома, достаточно было послать ей смс-ку и сказать, что я уезжаю на несколько дней.

– Тётя Лида, здрасьте! – открыв дверь, сказала я соседке. – Что случилось?

– Машенька, здравствуй, дорогая! – высоким голосом, запыхавшись, ответила та, открывая калитку. – Да вот внуков привезли на неделю, пока у них каникулы, хотела им пирожков напечь, хватилась – а яйца-то кончились! Я в магазин – а там переучёт! Я к Лизавете – а она как раз продала последние этим городским

из дома у сельсовета! Так я к тебе. Может, у тебя найдётся десяток?

Со смехом я накинула платок на голову и, сунув ноги в валенки, вышла на крыльцо:

– Найдётся, сейчас свеженьких насобираем. А вы заходите пока в дом.

– Да я на минуточку буквально! И так оставила мальчишек с Люсьенчиком одних, ещё набедокурят там!

– Ну, тогда я быстренько.

Нырнув в курятник, я ногой подвинула пару курочек и насобирала в карманы кофты десяток ещё тёплых, испачканных засохшим помётом, с прилипшими перьями бежевых яиц, вернулась во двор.

– Вот, тётя Лида, забирайте.

– Маш, сколько с меня-то? – загружая яйца в авоську из каких-то давних, ещё советских времён, озаботилась соседка. А я махнула рукой:

– Ну, какие счёты между соседями! Мне, кстати, наверное, придётся уехать на несколько дней, вы же присмотрите за зоопарком?

– Присмотрю, Машенька, конечно, присмотрю! И погуляю, и покормлю, и с попугаем поболтаю, – легко согласилась тётя Лида.

– Спасибо, спасибо!

Я и правда думала съездить в город с Нексом, в зоопарк. Может, там знают, какой он породы. Может, подскажут, чем кормить, чтобы не уморить. Да и вообще. Я люблю ясность. А вдруг кто-то потерял моего найдёныша, ищет теперь, скучает по нему? Я бы скучала. Привязалась к этому малышу до глубины души. Да и он ко мне.

Проводив соседку за калитку, я вернулась в дом. Там, как всегда, царила идиллия. Глаша рычала на Цезаря, который носился кругами за Нексом, а тот,

словно издеваясь, убегал от чихуашки, помахивая толстым хвостиком в миллиметре от щёлкающих крохотных челюстей. Пашка – как без Пашки! – профессионально комментировал с высоты шкафчика:

– Лево! Право! Ату его! Цезарь, фас! Некс дурик! Глаша дурик! Цезарь дурик, ату!

– А ну! – грозным голосом призвала я к порядку зверьё моё. Некс, скользя прямо перед носом Цезаря, ловко вскарабкался по моим ногам и куртке на грудь, цепляясь когтями за платок,дохнул в лицо совсем не животным, свежим и яблочным дыханием, а раздвоенный язычок облизал щёку.

– Ты ж мой маленький! – расчувствовалась я, осторожно прижимая ящера к себе. Осторожно – чтобы не раздавить, я просто не знала, как с ним обращаться. Те ящерицы, которых я видела раньше, в руки давались неохотно, зажимались, будто я собиралась их съесть, и замирали. А Некс ластится. И даже иногда заползает под кофту, греется от тела. Такой беззащитный, хотя и большой, когтистый, зубастый, рогатый...

«Ррав-ррав-ав-ав».

– Да что ж такое? – вздохнула я. – Кто опять пришёл?

Малыш уже не лаял, он рывкал – злобно и громко. Я подошла к окну и подняла брови:

– Ни фиги себе!

Перед калиткой стояла блестящая чёрная машина – огромная, как танк, а во двор собирался войти мужчина в тёмном пальто. Красивый, просто обалденно красивый мужчина. Темноволосый, высокий, с точёными чертами лица и пронзительными, практически чёрными глазами. Ко мне? Такие гости? Интересно, что ему понадобилось? Возможно, просто заблудился?

Глава 3. Сумасшествие близко

Малыш разрывался от ярости. Он никогда так себя не вёл, даже с незнакомцами! Эта собака всегда была олицетворением флегмы и собственного достоинства, а тут... Ну прямо из себя выходит, чуть из шкуры не выпрыгивает!

Запахнув куртку на груди, чтобы спрятать Некса, я выглянула во двор и прикрикнула на собаку:

– Малыш, фу!

А потом улыбнулась приветливо незнакомцу:

– Добрый день. Вы ко мне? Заходите, не бойтесь, он не укусит.

Мужчина открыл калитку, проходя на дорожку, повёл рукой в сторону собаки:

– Я не боюсь. И думаю, что к вам.

Он прошёл мимо враз замолчавшего Малыша и поднялся на крыльцо. Странные мягкие сапоги на очень тонкой подошве скрипнули легонько, а я смотрела на них и думала, что не к добру. Вот не к добру, и всё тут!

– У вас кошка или собака? – спросила я, стараясь всё же быть приветливой. Мужчина непонимающе прищурился. Пришлось объяснить: – Ну, стрижка собаки или кошки? Вы же по объявлению?

– Нет. Я не за этим.

Он прошёл в кухню, бесцеремонно перешагнув через описавшегося Цезаря, и встал перед Глашей. Та словно изумилась в первый момент, а потом села, вытянувшись, как солдат перед генералом. Мужчина раздул ноздри и спросил ледяным тоном:

– Ну, и где он?

– Кто? – удивилась я.

– Я не вам, – бросил он и снова спросил у питбулихи: – Фирис, где принц?

Ну конечно! Пришлый незнакомец разговаривает с питбулихой о принце. Правильно. Глюки продолжаются.

– Простите, я не совсем понимаю, что вам надо, – твёрдым голосом произнесла я. – Вы кто?

Тут из-под куртки показалась мордочка Некса, и ящер пискнул:

– Советник.

– Что?!

Я глянула на ящера, потом на мужчину. На меня уставились тёмные глаза, словно обведённые чёрным карандашом, и незнакомец воскликнул, обращаясь к Нексу:

– Ваше высочество! Что за поведение?! Немедленно оставьте эту... этого... человека!

Ящер вздохнул, совсем как ребёнок, и медленно скользнул вниз, перебирая коготками по кофте. Но на полпути передумал и снова залез на прежнее место. Раскрыл пасть и высунул язык, словно дразнясь. Незнакомец вздохнул, качая головой, и сказал мне:

– Я забираю его.

– С какого перепоя? – насторожилась я. Впрочем, насторожиться надо было ещё раньше, но сейчас прямо как что-то стукнуло в голову: Машка, аларм! Грядёт тот самый пи... поворот, который дышит мне в спину с появления Глафиры в доме. Надо отступать. К печке, там есть кочерга.

Мужчина провёл рукой перед собой, словно протирая воздух между нами, и я сглотнула. Сумасшедший... Как же мне повезло! Но Некса я не отдам, пусть даже не мечтает! И даже покрепче прижала ящерицу к себе. А незнакомец нахмурился, что-то пробормотал. Отступил. Глафира приблизилась к нему,

присела у ноги, посмотрела преданным взглядом. Ну с ума сойти! Питбулиха прямо стелется перед ним! С чего бы это?

Кочерга удобно легла в руку.

– Его высочество наследный принц империи Эридан должен быть дома, – сверкнул глазами мужчина.

– Какой ещё принц какой ещё империи? – а я тоже умею глазки делать большие и страшные! – Если это ваша ящерица, предъявите бумаги. И вообще, даже если собака с вами собралась идти, ящерица не хочет! Как её зовут?

– Его, – мужчина даже задохнулся от негодования, – зовут Атахавиринекс Итакийский из рода Великих Южных Огневых Драконов, его высочество наследный принц империи Эридан!

– Ага, а меня – Елизавета Английская, королева, вторая по порядковому номеру, – язвительно ответила я. – Давайте серьёзнее!

– Девушка, я очень серьёзен.

– Хорошо, а вас как звать? – я перехватила кочергу чуть повыше. Глафира заворчала, подходя, и зубами взяла железяку из моей руки. Перед таким поведением собаки я даже растерялась. Да что ж такое? Кого должна защищать эта неблагодарная?

– Меня зовут, – он выпрямился и задрал идеально выбритый подбородок, – Эвиксандори Велейский из рода Огневых Драконов, первый советник его величества императора Рандаверилокурта Итакийского Эриданского!

– Господи... У вас язык не заплетается? Сколько титулов, – пробормотала я. – Попроще давайте.

– Люди... – с некоторым презрением в голосе ответил советник. – Проще некуда: я советник императора, это принц, сын императора. Мы драконы, живём в мире драконов, и сейчас мы уйдём в мир драконов. Так понятнее?

Я кивнула. Драконы, ога. Дважды. Хотя мой Некс как раз похож на дракона, но не вот этот вот... хлыщ. Поэтому я с сомнением глянула на советника и покачала головой:

– Что-то вы не очень... драконисто выглядите. У Некса вон рога и крылья. А у вас? Не выросли?

Он обжёг меня ледяным взглядом (а ещё огненный – по его словам!) и принялся освобождаться от пальто. Опаньки, меня ждёт особенный стриптиз? И кочергу противная Глашка отобрала. Хоть бы Пашка защитил – когтями в лицо, например, – так нет, сидит на шкафу и помалкивает, будто его вообще ничего тут не касается. А потом будет подлизываться!

Советник аккуратно положил пальто на спинку стула и снова повернулся ко мне. На его лице словно щербинки показались. Странные, подозрительно похожие на... чешуйки, как у Некса! Скулы с висками, щёки, лоб, подбородок оказались покрыты змеиной (или драконьей) кожей. На лбу между волос выросли небольшие тупые рожки, а за спиной раскрылись широкие кожистые крылья, натянутые на костистые выросты, из которых торчали острые когти.

Ой ё...

Некс зашевелился и пыхнул паром в сторону советника, который сейчас был очень похож на дракона. И запищал тоненько:

– Не пойду домой!

Я даже головой встряхнула. Ящер умеет говорить? Незнакомец вырастил крылья? Я сплю и вижу сон? А, ну да, надо ущипнуть себя.

Так и сделала. И, походу, перестаралась, от души щипнула, так заболело, что я всхлипнула. Теперь синяк останется. Значит, не сон. Но драконов не бывает! Или бывают? Что он там говорил? Другой мир... Так, Машка, захлопни варешку. Нечего тут всяким рептилоидам показывать своё удивление!

– Симпатично, – кивнула я, старательно изображая на лице весёлую улыбку. – А почему вы всё время так не ходите? Скрываетесь?

– Это парадное воплощение, – с достоинством ответил советник. – А вот это будничное.

Крылья исчезли, рожки втянулись, чешуйки растворились. Передо мной снова стоял обычный, хоть и очень красивый мужчина. Прямо вот влюбилась бы, если бы он тут стриптиз с крыльями не показывал. Но Некса отдавать всё равно не хотелось. Ведь как-то же ящер оказался в нашем мире, в лесу, один, на морозе. Значит, или убежал, или его выбросили. В любом случае, в том, драконьем мире ему грозит опасность. А я не для того выходила малыша, чтобы отдать на растерзание.

– Ладно... Но Некса я вам всё равно не отдам.

– Я сам заберу, – с милой улыбочкой пообещал советник. Некс высунулся из-под кофты и натуральным образом зашипел, выпуская пар. Интересно, какими полномочиями обладает этот хлыщ?

– Не думаю, что у вас есть достаточно власти, чтобы тащить куда-то императорского наследника против его воли.

Из выреза кофты послышался злорадный смешок. По крайней мере, мне так показалось. Принц или не принц, мистер Некс у нас, оказывается, вредный. А я оказалась права, потому что советник с непроизносимым именем слегка стушевался и сказал быстро:

– Наследнику необходимо вернуться в империю. Это приказ вашего венценосного отца, ваше высочество!

Некс фыркнул и снова подал голос:

– С ней!

– Что «с ней»? – снова нахмурился советник.

– Вернись с ней.

– Что?! – хором удивились мы с женщиной, а Пашка откликнулся со шкафчика:

– Машка дракон! Некс дурик!

Советник бросил взгляд на попугая, и тот сник, словно корова была не его. Незнакомец сказал негромко:

– Ваше высочество, вашему венценосному отцу это не понравится. Человек в нашем мире? Это недопустимо.

– Интересно, почему это? – во мне сразу вскипело негодование. – Что за расизм такой! Чем вам люди не угодили?

Дракон раздул ноздри и чуть не вспыхнул изнутри, но взял себя в руки. Вдохнул, выдохнул и улыбнулся:

– Я могу присесть?

Жестом я пригласила его к столу. Пашка снова встрял:

– Яблочко будешь?

– Потом, – махнула я на него рукой и снова взглянула на советника. Некс поудобнее устроился под кофтой, царапая коготками. Эх, остричь надо бы.

– Видите ли, Елизавета Английская, королева, вторая по порядковому номеру...

– Это была шутка. Меня зовут Маша.

Мужчина икнул от неожиданности:

– М-маша? И всё?

Эк его скривило! Чем ему моё имя не угодило?

– Ма-а-ашенька, хорошая Ма-а-ашенька, – почти шёпотом проворковал Пашка, распутив крылья. Глаша подняла морду вверх и как-то так рывкнула, что мне

послышалось явственное: «Заткнись!» Попугай, видимо, тоже понял, потому что чирикнул, как волнистик, и обиженно ушёл к стенке.

– Ладно, допустим, – советник побарабанил пальцами по столу. – Видите ли, Маша, в нашем мире никогда не любили людей. Из вашего мира.

– А почему?

– Спросите что-нибудь попроще, – он пожал плечами. – У нас служат оборотни и мицелиусы. Редко, но к нам попадают представители других рас, а вот люди – практически никогда.

– А как попадают? – меня отчего-то заинтересовал этот вопрос. Книжки про попаданок мы читали взахлёб в детдоме, но никогда не верили в эти сказки. Нет, верили в принцев, а помладше были – в родителей, которые когда-нибудь обязательно заберут нас всех. Не родные, так приёмные. У меня родных не было, меня нашли на пороге. В субботу, поэтому и фамилию дали – Субботина. А имя я получила по святцам. Так нянечки развлекались.

– Попадают через тонкую оболочку, разумеется.

– Вам-то “разумеется”, а мне непонятно. Какая такая оболочка?

– Виуз, я же говорил, люди. Эти люди...

Советник тяжело вздохнул, а на его лице я прочитала досаду от человеческой тупости. Однако пропускать подобные высказывания мимо ушей я научилась уже давно. На обиженных воду возят, а я предпочитаю ездить верхом. Поэтому, придержав моего «младенца» Некса, присела напротив советника и постучала пальцем по столу:

– Про оболочку, пожалуйста.

– Хорошо... Если хотите, миров много. Они все одинаковые, почти. Нанизаны, будто бусины на шнурок, только плотнее. Соприкасаются, но проникнуть друг в друга не могут, так как окружены энергетической оболочкой, препятствующей этому. В некоторых местах эта оболочка тоньше, чем положено, поэтому при

достаточном нажиме можно случайно или намеренно проникнуть в другой мир. Вы понимаете?

– Я понимаю. Почему люди к вам попадают так редко?

– Я могу только строить предположения, и, как вы понимаете, благочестивая Маша, все они лишь из области теории.

Дракон вздохнул:

– Возможно, эта оболочка вокруг вашего мира слишком толстая. Либо у людей не хватает силы проникнуть сквозь неё. Либо вы промахиваетесь мирами. Что толку с моих догадок? К тому же его величество император Рандаверилокурт не жалуется людей. Он никогда не согласится принять вас в своём замке.

– Без неё не вернусь! – снова высунул мордочку из моей кофты Некс.

Вот. И точка. Что за выкрутасы? Я склонила голову и тихо отругала ящера:

– Во-первых, при человеке не говорят «он», «она», а называют по имени. А во-вторых, с чего ты решил, что я пойду куда-то там в ваши тонкие оболочки?

Некс со вздохом спрятал рыльце мне под мышку, щекоча, а советник резко встал:

– Я не собираюсь терпеть капризы, ваше высочество! Вам необходимо вернуться домой.

– Так, стоп! – я тоже встала. Где моя кочерга, блин? – Вы отдаёте себе отчёт в том, что наследник вашего императора оказался в чужом мире и мог умереть один в лесу? Вы понимаете, что где-то есть пробел либо в воспитании, либо в присмотре за ним? Я никуда его не отпущу, даже и не мечтайте!

Глафира заворчала на меня, как будто угрожая. Советник опустил взгляд на собаку, и та заткнулась, свесив голову к лапам. Я, кажется, начинала кое-что понимать. Питбулиха не собака. То есть она, конечно, собака, но не из нашего мира. Там, у драконов, она наверняка охраняла наследника. Прелестно! Она не

уследила, а на меня рычит. Я-то, кстати, сделала всё, что было в моих силах, чтобы спасти дракошу! И сейчас сделаю. Пока Некс прячется под моей кофтой, он в безопасности.

Мужчина тяжело вздохнул и произнёс:

– Хорошо, под мою ответственность.

– Что – хорошо? Что – под вашу ответственность?

– Вы отправитесь с его императорским высочеством в Эридан.

– В качестве кого, пардон?

– В качестве... скажем, няни.

– Эм-м... Но я же всегда смогу вернуться? – решила уточнить на всякий случай.

– Разумеется. Через тонкую оболочку можно проходить в обе стороны, особенно когда знаешь её месторасположение.

Этот его снисходительный тон прямо бесил. Сноб недобитый! Интересно, откуда мне знать принцип работы этих тонких (то-о-оненьких) оболочек, если я узнала о них, как и о мире драконов, лишь пятнадцать минут назад? И вообще – я что, уже согласилась? Я готова пойти в другой мир? А вдруг... Вдруг оттуда не возвращаются?

Так, тихо, Машка, не паникуй! Ходят же эти драконы туда-сюда, рога отрачивают, крыльями трясут. А мне что, нельзя? Можно. А когда ещё шанс представится? Родителей не дождалась, принца ждать – тоже не вариант: как он меня в этом захолустье найдёт? Зато посмотрю на новый для меня мир. Интересно же! А если не понравится – вернусь. Вот только удостоверюсь, что Некс в безопасности, и вернусь.

– Ладно, – ответила я. – Сейчас, только собакам соберу вещи.

– Что, простите?

Дракон смотрел на меня удивлённо. А я нахмурилась:

– Что такого сказала-то? Я согласна ехать, идти, лететь – как вы там передвигаетесь?

– Какие вещи, какие собаки?

– Мои собаки! А что вы думали, я их здесь оставлю? И Пашку взять надо: кто с ним будет разговаривать?

– Благочестивая Маша, – выдохнул дракон с непроизносимым именем, и отчего-то сразу стало ясно, что с нервишками у советника императора совсем плохо. – Вы не считаете это чрезмерной наглостью?

– Конечно нет! Я очень ответственно отношусь к своим животным. Кошек с собой не потащу, так и быть, за ними тётя Лида присмотрит. Птичек тоже: им лучше в клетках на насиженном месте. Но собак и Пашку я здесь не оставлю. Спорить будем или вам показать выход?

Спорить дракону хотелось жутко – по холёному лицу видно было, но Некс крепко держался за мою кофту лапками и отпускать не собирался. Самый настоящий наследник престола – упрямый и дерзкий. Интересно, папе-императору он так же дерзит?

– Хор-р-рош-ш-шо, – не то прорычал, не то прошипел советник. – Берите кого хотите. Но извольте мне указать, кого вы забираете.

– А что?

– Животные плохо переносят перемещение через энергетическую оболочку. У них не хватает интеллекта. Поэтому мы их помещаем в обволакивающие капсулы.

– Какие-какие капсулы? – я даже лоб наморщила, пытаюсь представить, как попугая обволакивают чем-то вроде желе. А советник снова высокомерно глянул на меня сверху вниз:

– Обволакивающие. Интеллектом. Капсулы. Ещё вопросы?

– Вопросов нет. Пойду соберу свои вещи.

Я направилась было к комнате, но была остановлена холодным тоном дракона:

– Они вам не понадобятся.

– Это почему ещё? – я резко развернулась, подозрительно глядя на него.

– Не думаете ли вы, благочестивая Маша, что будете одеваться... вот так?!

Как так-то? Я опустила взгляд на свои кофту и джинсы: что такого-то? Не выходные, конечно, но вполне себе приличные.

– У нас в империи совсем другая... гхм... мода.

– Так а мне теперь что делать?

– Вам будет предоставлен гардероб.

Как он не подавился при этих словах – загадка прямо. Аж посинел от натуги. Наверное, думал, за чей счёт будет меня одевать. Ну, это уже не мои проблемы. Налегке так налегке, мне не привыкать. Из детдома сюда с одним чемоданчиком приехала.

– Но собакам я всё-таки соберу. Вдруг у вас в империи... гхм... мисок нет!

– Попрошу вас не позволять себе подобных высказываний о моей империи!

– А что, есть миски? – деланно удивилась я. – А поводки с ошейниками?

– Нашим... гхм... домашним питомцам не требуются ограничители свободы, – снова задрал нос советник. Боже, надеюсь, он не женат, иначе бедная его жена!

– А моим требуются. Пашка, игрушку твою любимую берём?

Попугай появился из глубины надшкафного пространства и смерил меня выпуклым глазом. Потом буркнул вредным голосом:

– Яблочка дай! Яблочка!

– О! Кстати! У вас в... гхм... прекрасной империи имеются яблочки? – высунулась я из-за двери с Пашкиной пластиковой курочкой, исклёванной и изгрызенной. Взгляд советника сказал мне ясно: «Лучше по империям не шляться». Но я же уже настроилась! Поэтому спросила у Некса тихонечко:

– У вас яблочки есть или стоит взять мешок?

– Есть, – пискнул ящер.

– Ну и хорошо! – усмехнулась я, а потом повысила голос: – Хорошо, говорю, что есть яблочки! Ну что, мы идём?

Глава 4. Этот дивный новый мир

Ладно, яблочки яблочками, но я всё равно возьму кое-какую одежду и всякое разное для зверья. Разложив сумку на кровати, потревожила Касю, которая лениво встала и принялась обнюхивать знакомый предмет, который я давно не доставала. Погладив кошку, я тихо сказала ей:

– Я ненадолго, Касюнь. Я скоро вернусь.

Кошка подняла на меня взгляд жёлтых глаз и вопросительно мяукнула, извернувшись, потёрлась головой о мою ладонь. Как же я их оставляю? Кто будет спать на моих ногах? Кто будет драться за место под одеялом? Кому мои разноцветные бестии будут мурчать долгими зимними вечерами? Уж точно не тёте Лиде, она только погладит кошек и насыплет корм, а вот с мурчанием идти им будет не к кому.

Нет уж. Не оставлю. Одичают, а то и драться начнут, хотя давно поделили хозяйку и территорию. Возьму их, и точка.

С сумкой для зверей я вышла обратно в кухню и весело сказала:

– Ну вот, теперь пошли. Берём всех, кроме птиц.

Советник оторопел и глянул на меня недобро. А я только плечами пожала. Три кошки, две собаки и попугай – неужели уж такая обуза?

Некс, всё так же держась за меня всеми лапками, издал пронзительный писк. У дракона дёрнулась щека, потом ещё раз, и он прошипел:

– Всех. Сюда.

– Хорошо, – с лёгкостью согласилась я, поставив сумку, и вернулась в комнату. Кася с Басей дались в руки спокойно. Не боялись – значит, и мне нечего бояться. Хотя я трусила отчаянно. Не за себя – за звериков. Какие-то капсулы... Вдруг обволокут их и больше не разволокут? Но кошки давно познали дзен. Видимо, это не первая их жизнь.

Я посадила пушистых инь и янь на стол перед советником. Мужчина окатил их ледяным взглядом, и снова щека под глазом дёрнулась. Бедненький. Перенервничал. Ну, ничего. Вернётся домой, расслабится в сауне с винишком и шлю... Ну, в смысле, с женой своей!

Дракон встал, отметая все мои мысли о его возможном семействе, и достал из кармана пальто горсть маленьких круглых твёрдых шариков. Мы в такие играли летом в детдоме: одним шариком пуляли по остальным, которые надо было выбить из круга. Но наши были совсем обычные, а эти блестели, словно светились изнутри. Советник размял в ладони один шарик, так что тот стал совсем мягким и растёкся таинственно поблёскивающей лужицей в горсти.

– Что это? – шёпотом спросила я, а сама подумала: «Второе чудо драконьего мира».

– Это всеобъемлющая расходная материя, – вполне буднично ответил советник. – Обладая достаточными знаниями, её можно использовать для различных целей.

Он поднял руку над Басей, которая старательно вылизывала лапку, и перевернул ладонь. Сейчас намочит кошку своей материей и Баська будет истерить! Но материя оказалась совсем не жидкой. Она стекла с ладони, превращаясь в разноцветное облачко пылицы, коснулась кошкиной головы и за каких-то три секунды полностью поглотила Басю. Вместо белоснежной полуангоры на столе теперь сидела перламутровая статуэтка, как и была – с поднятой к морде лапкой и хвостом, обёрнутым вокруг тела.

– Ну ничего себе, – пробормотала я. – Она что, теперь такой и останется?

– Пока мы не перейдём в Эридан, – сказал советник, разминая второй шарик в ладони. Кася, кажется, начала подозревать неладное, потому что решительно собралась смыться со стола. Но я не позволила, придерживав чёрную бестию за шкурку. Так она и осталась в перламутровой материи – готовая к прыжку, распластанная пантера с сердито распушенным хвостом.

– Дальше? – деловито прищурился советник.

Мисс Гранжер пришлось обволакивать прямо в её лукошке, которое она и не собиралась покидать. Зная дикий нрав рыжухи, я предпочла не перечить этой вредине. Затем настал черёд Цезаря, который снова описался и мелко трясся на столе между кошачьих статуэток. Зато Малыш во дворе перенёс операцию стоически, потому что я обещала ему много вкусных косточек. А вот Пашку пришлось ловить, потом уговаривать, потом приманивать яблочком. Чуть было не плюнула и не решила оставить его на тётю Лиду, но попугай неожиданно сдался. Выглядел он при процедуре обволакивания таким несчастным, чирикал жалобно, и вообще, был готов к смерти. Я пообещала себе закормить его яблочками и местными фруктами, чуть не расплакалась, но дракон заявил холодно:

– Пора.

– Ну, несите тогда! – я прижала Некса к себе под кофтой.

Советник фыркнул, и мне отчего-то показалось, что моя смерть в том, другом мире будет долгой и мучительной. Но дракон взял ещё один шарик в руки, размял его до состояния порошка и высыпал на статуэтки моих перламутровых животных. Дрогнув, они приподнялись над полом и поплыли к выходу по приглашающему жесту советника.

– Поспешите, благочестивая Маша, мы и так потеряли слишком много времени! – распорядился советник.

– А ехать далеко? – расширившимися глазами наблюдая за полётом своих животных, спросила я.

– Нет. Я не в курсе ваших расстояний здесь, но доберёмся мы на машине быстро.

– Ну что ж...

Я быстро написала записку для тёти Лиды, с мобильного отправила ей сообщение и оглядела кухню. На миг возникло чувство, что новый поворот может стать последним в моей короткой жизни. Вернусь ли я когда-нибудь сюда? Но унывать не позволила совесть. Тряхнув головой, я оделась, заперла дверь домика и сказала сама себе: «Обязательно вернусь».

На чёрном танке-джипе мы проехали пару десятков километров, удаляясь от города. Некс становился всё смурнее и даже меленько дрожал, хотя ящерам это не свойственно. Неужто боялся папаши-императора? Ну, ничего, я его защищу от всех.

Переход через тонкую (то-о-оненькую) оболочку мне совершенно не понравился. Вот совсем. Мы остановились у леса, где советник всё тем же плавным жестом руки выгрузил перламутровый зоопарк имени Маши и снова достал свои расходные шарики. В этот раз он слепил в кучку сразу пять или шесть штук, размазал их по ладоням и поднял руки по направлению к полосе деревьев. Поколдовал минуты три, я даже замёрзнуть успела. Оглянулась на машину:

– А что вы будете делать с танком?

– Ничего. Пусть здесь остаётся.

– Украдут же!

Советник посмотрел на меня таким взглядом, что стало жарко. Ну чего я всё время лезу не в своё дело? Ему наплевать на машину, а мне-то что? Мне вон надо смотреть на «портал», который постепенно начал проявляться на фоне леса. Это походило одновременно на звёздные врата и мутный водоворот в фарватере реки. Дракон отряхнул совершенно чистые ладони и обернулся:

– Прошу вас, благочестивая Маша.

– Сначала животные, – кивнула я на зоопарк. – Мало ли, вдруг вы меня обманете!

– Я не имею такой привычки, – вспыхнул советник. Но быстрым жестом отправил живые статуэтки в портал. Ониплыли внутрь и исчезли с лёгким чмокающим звуком. Ощутив холодок, пробежавший по коже, я мысленно обозвала себя дурой. Куда я иду? Что я делаю вообще? Почему колеблюсь, если уже поздно? Вперёд, Макария-Швейцария! Выше голову, и вперёд!

Я прошествовала мимо советника к омуту перехода, выдохнула и шагнула, инстинктивно вытянув руки перед собой. Чудовище проглотило и меня, чавкнув напоследок, и я провалилась в беспамятство.

* * *

В висках стучало, голова была ватная, а тело – его вообще не было. Я будто парила высоко в небе, и мне совсем это не нравилось. Земля под ногами лучше. Как бы спуститься? Сначала надо, наверное, глаза открыть.

Непослушные веки всё же поднялись, мне удалось сфокусировать взгляд на потолке – белом, покрытом чудной лепниной. Нет, это не больница. В казённых учреждениях таких потолков не бывает. Я снова прикрыла глаза, прислушиваясь. В комнате разговаривали двое – взрослый мужчина, голос которого был мне знаком, и мальчик. Как-то странно звучит их разговор. Странно, но вполне понятно.

– Ваше императорское высочество, это даже не обсуждается! Из-за вас я был вынужден притащить эту... этого... человека в Эридан, но жить в вашей комнате

она не будет!

– А я хочу!

– А вы не можете получать всё, что хотите!

– Я принц! И получу всё!

– Вы же в курсе, что ваш венценосный отец желает жениться во второй раз? Не мне вам объяснять, почему, но и в этом браке у него может родиться наследник!

– Я первый в очереди на наследование.

– Очередь можно и подвинуть, ваше высочество, – прошипел советник. Я приоткрыла глаз и увидела, как он склонился над светловолосым мальчиком лет десяти, одетым в старинный камзол и панталоны. И поза эта показалась мне угрожающей.

– Эй! Советник как-вас-там? Мы что, уже прилетели?

Он выпрямился, впери в меня свой фирменный презрительный взгляд, и ответил:

– Пришли. А вы... Пойдите, вы что, понимаете наш язык, благочестивая Маша?

– Прекратите называть меня благочестивой, – проворчала я, поднимаясь на локтях. Мальчик бросился ко мне, обнял за талию, прижался к груди щекой:

– Маша!

Господи... Неужели это мой ящерёнок? Дракоша? Наследник? Я машинально тоже обхватила его руками, как дома, и ощутила, какая у него горячая кожа на затылке. Он повсюду был горячий. Не заболел ли?

Отодвинув его голову от себя, заглянула мальчику в тёмные как ночь глаза:

– Некс? Почему ты такой горячий? У тебя температура! Ты заболел!

– Нет, не заболел! – засмеялся мальчик. – Пошли, я покажу тебе замок!

– Ваше императорское высочество, вам стоит сразу же по приезде в замок испросить аудиенции у его величества, – бесстрастно перебил его советник. – Благочестивая Маша, если вы в состоянии идти, прошу за мной.

– Стоп. Сначала решим пару вопросов, – ответила я, садясь. Небольшая комната, в которой мы находились, мне не понравилась – слишком белая, слишком стерильная. Может, у них такие больницы?

Советник, сложив руки на груди, смерил меня подозрительным взглядом и кивнул. Я продолжила:

– Значит, так. Как вас там зовут?

– Эвиксандори Велейский из рода Огне...

– Будете Вик. Всё равно я никогда не выучу и не выговорю ваши зубодробительные имена. Короче, Вик, где мои собаки, кошки и попугай?

– На карантине, благочестивая Маша.

– С какого перепоя? – удивилась я. – Они у меня все здоровые!

– Пошли, Маша! Я покажу тебе наш мир! – настойчиво тянул меня к выходу Некс. Я похлопала его по руке:

– Подожди минуточку, малыш, сейчас! Вик, мои животные не больны!

– Их обеззараживают, не беспокойтесь. Нам не нужны паразиты из вашего мира.

– Интересно! А если я принесу паразитов?

– Вас уже обеззаразили, – мило улыбнулся Вик, и мне показалось, что это не улыбка, а ухмылка. Как это – обеззаразили? Каким способом? Помыли? Желудок промыли? Я осталась стоять с распахнутыми глазами, а Некс захохотал, глядя на меня:

– Маша, не смотри так! Меня тоже обеззаразили! Лекарь руками поводил, и всё!

– Точно всё? – я подозрительно глянула на мальчика, который кивнул, продолжая смеяться. – А... как?

– Психокинетическим путём, – вежливо ответил Вик. – Пойдёмте же.

– Нет, у меня ещё вопрос!

Я поёрзала на кушетке и решительно спросила:

– Где питбулиха?

– Что, простите? – не понял Вик.

– Глаша. Глафира. Собака. Ведь вы не упаковывали её в обволакивающую интеллект капсулу! Где она?

От двери слышалось деликатное покашливание, и к Вику приблизился человек. Женщина. Или мужчина? Или, прости господи, гермафродит? В общем, сразу и не разобрать. Но то ли по глазам, то ли по короткой стрижке едва заметной полосатой расцветки я поняла: это и есть моя Глаша. Оборотень, что ли?

– Фирис, представься.

– Личный телохранитель его императорского высочества Атахавиринекса Итакийского, Фирис из мира оборотней, по своей воле на службе империи Эридан, – склонила голову молодая женщина. Или всё-таки мужчина? Хм-хм... Значит, оборотень и телохранитель. Как я и думала.

– А скажи мне... – я наткнулась на пристальный взгляд «Глаши-колхоз» и поправилась: – Скажите мне, как вы оказались на цепи в подпольном питомнике?

Вик сдвинул брови, Некс закашлялся, а Фирис густо покраснел. Нет. Покраснела. Господи, как мне к нему обращаться, к этому оборотню? Всё-таки оно было течной сукой, поэтому решаю: девочка.

– Это постыдное стечение обстоятельств, – хриплым голосом ответила Фирис.

– Я понимаю, неважно.

– Благочестивая Маша, у меня мало времени, – Вик выглядел смертельно скучающим. Если бы у него были часы, он обязательно поглядывал бы на них каждые три секунды. Ладно, не будем оттягивать неизбежное.

– Пойдёмте.

Я встала и решительно направилась к двери.

– Стойте! – окликнул Вик. – Сначала Фирис.

Охранница скользнула между нами, провела рукой по косяку, и дверь распахнулась сама собой. Не успела я сказать «вау», как внешний мир обрушился на меня. Буквально обрушился. Я предполагала, что у драконов многое будет по-другому, но чтобы так!

Маленькое одноэтажное здание окружали самые настоящие джунгли. Огромные деревья, стволы которых уходили вверх на головокружительную высоту, были оплетены лианами. Папоротники, а между ними диковинные цветы причудливой раскраски – красные, синие, ярко-оранжевые. Жарко, душно, влажно... Аж голова закружилась! Я даже покачнулась, но Вик поддержал меня под локоть:

– Вам нехорошо, благочестивая Маша?

– Непри... вычно... – выдохнула я. – Здесь совсем другой воздух.

– Это пройдёт. Воздух должен быть пригоден для ваших лёгких, лекари проверили.

– Да я и сама вижу, – проворчала я, отнимая руку.

– Вы видите воздух? – изумился Вик.

Теперь уже был мой черёд смотреть на него, как на идиота:

– Я чувствую! Не придирайтесь к словам!

– У нас принято чётко описывать всё, что происходит, именно теми словами, которые подходят к ситуации. Простите за непонимание.

– Да ладно вам, не извиняйтесь. У нас как раз наоборот. Игра слов – знаете такое?

– Разве со словами можно играть?

Мы шли по тропинке, вьющейся между покрытыми зеленью стволами и корягами. Некс лип к моему боку, совершенно игнорируя Фирис. А та молча и угрюмо следовала за нами, бесшумно скользя по пружинящему мху. После очередного витка в сплошной стене джунглей показался просвет. Мне хотелось уже быстрее выйти из леса, вдохнуть свежего воздуха равнины, подставить лицо под ветерок и хоть немного охладить мозг.

Но на равнине, на огромном лугу с высокими травами и редкими кривыми деревцами, меня ждал ещё один сюрприз. Третье чудо! Карета, запряжённая двумя воронами... курами! Я остановилась, чтобы протереть глаза, которым уже не верила. Но куры не исчезли. Они были тут – худые, голенастые, с жёсткими чёрными перьями, большими острыми клювами и кокетливыми гребешками на головах. Я обернулась к Вику и спросила осторожно:

– Вы ездите на курицах?

– Простите? Ах, вы о шаиди. Да, это верховая и ездовая порода.

– Шаиди, – повторила я. – А похоже на курицу.

Мы приблизились, и с передка кареты соскочил кучер в ливрее, придерживая поводья, а из-за деревьев выехали на таких же курах, пардон, шаиди, только коричневых, охранники в форме и в круглых шапочках с кокардами из разноцветных перьев. У лап «лошадок» шипели и визжали самые настоящие динозавры – небольшие, мне по пояс, с длинными хвостами, с головой на длинной же шее, покрытые редким светлым оперением. Они скалили острые ряды зубов и вытягивали в нашу сторону передние лапы с когтистыми пальцами. Ни ошейников, ни поводков на рапторах не наблюдалось. Инстинктивно я отшатнулась, налетев на Вика, и тот придержал меня, с мстительной улыбкой прокомментировав:

– А вот и наши домашние питомцы!

– Велоцирапторы! – я восхитилась сквозь страх. – А они нас не сожрут?

– Это ирчи, они приручены и верны хозяевам. Для чего им вас сжирать? Их кормят три раза в день!

– Ну, мало ли... – пробормотала я, разглядывая маленькие, глубоко посаженные глазки и подвижную кожу на длинных мордах ирчи.

– У меня есть ирчи в замке, – встрял Некс. – Они лучшие охотники на змей!

– Кто бы мог подумать, у вас и змеи есть, – усмехнулась я. – И крокодилы, да?

– Они водятся в реках, – ответил Некс. – Я проходил это как раз до того, как... Ну...

– Я поняла.

Придержав мальчишку за плечи, вздохнула. Сколько сюрпризов ждёт меня в этом мире? Хотя в мире, где господствующая раса – драконы, динозавры и доисторические птицы – совсем не сюрприз.

– Садитесь, благочестивая Маша, – Вик предложил мне руку, чтобы помочь забраться в карету, но я медлила, потом спросила:

– А они не взлетят, случайно?

– Маша, у них нет крыльев! – залился смехом Некс, вскакивая на обитое кожей сиденье.

– Ну, раз крыльев нет, то и бояться нечего, – пробормотала я, садясь рядом с ним. Вик разместился напротив и махнул кучеру:

– Трогай. Мы должны добраться до замка как можно скорее.

Глава 5. Замок прекрасного принца

Странно было слышать вместо цокота копыт резкий скрежет когтей по грунту дороги. Зато колёса скрипели совсем знакомо, по-домашнему, успокаивающе. Никогда не думала, что курица может бежать так плавно и быстро, но карету не дёргало и почти не трясло. А мы молчали.

Советник думал о чём-то своём, не слишком приятном – об этом говорила складочка между бровей. Некс, привалившись к моему боку, иногда легонечко вздыхал, наверное, представлял аудиенцию у папочки. А я просто потеряла дар речи, потому что джунгли – не самое чудесное, что я видела в этом мире. Лес постепенно редел, уступая место лугам, равнина пошла волнами и превратилась в холмы, поросшие лесом, отчего их вершины казались шерстистыми издалика. Дорога, по которой шаиди везли карету, постепенно начала виться между этими самыми холмами, а на склонах я научилась различать культурные поля. Разглядеть поросль, конечно, не удавалось, но это явно кто-то сажал и окучивал. Как на холмах Азии, ступенчатые плантации. Очень интересно!

А потом я увидела и поселения. Вот как вы думаете, где живут драконы? В пещерах? Как бы не так! Домики были аккуратные, эко, знаете, такие – из палок и гов..., в смысле, из бамбука и высушенной на солнце грязи. Но довольно большие. Они стояли близко друг к другу, образуя целые кварталы. Как на

картинке из жизни индейцев в зарослях Амазонки. На лугах возле поселений паслись тёмные коровы. Конечно, я понимала, что это вовсе не коровы, но издалека я не могла разглядеть, на что похожи эти животные. У них были рога, это точно. И хвосты.

– Смотри, замок! – подал голос Некс, и я тут же обернулась. Замок высился на холме. На склоне, покрытом незнакомыми мне деревьями и пальмами, стоял огромный, блестящий на солнце дворец с башенками, открытыми галереями и арками, окружённый высокой стеной. Камень был подозрительно ярким, поэтому всё вместе смотрелось нереально. Как в сказке.

– Тебе нравится?

– Некс, это... – я выдохнула и продолжила с восхищением в голосе: – Это прекрасно! Я никогда не видела ничего подобного! Даже в мультиках!

– А что такое мультики? – тут же спросил Некс. Я погладила его по волосам и ответила тихонько:

– Я тебе расскажу.

А потом обратилась к Вику:

– Из чего сделан этот замок? Он искрится на солнце!

– Из радужного камня, – рассеянно ответил советник, отрываясь от своих мыслей. – Теперь его почти не используют, мы предпочитаем дерево и глину. Замку очень много столетий.

– Радужный камень... Интересно, как замок выглядит вблизи?

– У вас будет возможность посмотреть на него и вблизи, и изнутри, благочестивая Маша.

– А где я буду жить? Тут есть двор, сад, парк? Чтобы было где гулять с собаками? А что у вас едят? У вас есть кофе? Хлеб? Масло?

– Благочестивая Маша! – Вик, смеясь, поднял руки, словно сдаваясь. – Не надо столько вопросов! Вы всё увидите и узнаете сами! Мы подъезжаем, смотрите.

– Мне очень нужен кофе, без него я не проснусь утром, – вздохнув, я снова высунулась из окошка кареты. Мимо прогалопировала коричневая курица с бесстрастным охранником, а бегущий рядом раптор коротко взвизгнул в мою сторону. Но я уже не боялась. Советник сказал, что меня не съедят, поэтому ну их, этих ирчи. Я хотела посмотреть на сад.

Перед нашей каретой бесшумно раскрылись ворота – разъехались в стороны, прямо в каменные стены. Интересная технология: ни замков, ни петель, всё отпирается по мановению руки. Как же мне тогда быть? Или драконы дадут мне частичку своей магии, то есть психокинетических способностей?

– А вот и сады, – Вик махнул рукой в направлении окна. – Это гордость императорского замка.

– Император любит зелень? – полюбопытствовала я, разглядывая раскидистые деревья, между которыми вольготно росли подстриженные кусты, разномастные цветы и папоротники, папоротники повсюду.

– В редчайшие моменты отдыха его императорское величество занимается садом.

– И как? Растёт? У него зелёная рука?

Вик помотал головой:

– Почему? Нет. Впрочем, я не вправе обсуждать с вами цвет кожи его императорского величества!

– Вик, это и есть игра слов, – рассмеялась я. – Зелёная рука – значит, все растения, что он сажает, растут как на дрожжах.

– Благочестивая Маша, я не могу понять, что такое дрожжи. Это подкормка для растений?

Глянув в честные глаза Вика, я убедилась, что он не издевается надо мной. И пробормотала, провожая взглядом из окошка огромную разлапистую ель:

– Боюсь даже предположить, как и на чём вы печёте булочки.

Булочки озадачили советника. Он снова замкнулся в себе, и я затылком ощутила, о чём подумал Вик. Не только в моей жизни начался лютый пи..., то есть новый поворот.

Карета плавно развернулась на песочке перед крыльцом, и советник поднялся первым:

– Приехали. Ваше императорское высочество, вам следует пройти с Фирис в купальную комнату, а затем дожидаться аудиенции у императора.

Благочестивая Маша, я лично провожу вас и прослежу, чтобы вам выделили достойные покои и персональную служанку.

Он соскочил с подножки кареты на песок и отступил. Фирис подбежала, отряхиваясь по-собачьи, и подала руку Нексу. Тот нехотя сошёл и спросил у Вика:

– Но Маша же не оставит меня? Я смогу видеться с ней каждый день?

– Ваше императорское высочество, эсси Маша – ваша няня, – ответил сдержанно советник. – Она будет рядом с вами в свободные от занятий часы. Советую вам поспешить и обрадовать вашего венценосного отца.

– Он будет зол на меня, – буркнул Некс.

– Вам почти три цикла, ваше императорское высочество, – голос Вика стал строже. – Вы понимаете, что за каждый проступок должны нести наказание.

– Я ни в чём не провинился! – выкрикнул Некс и пошёл, не оглядываясь, к крыльцу. Фирис потрусила за ним, а Вик, покачив головой, протянул руку мне:

– Прошу вас, благочестивая Маша. Добро пожаловать в замок Хервадис.

Спустившись с подножки кареты, я заметила:

– Может быть, не стоит так говорить с Нексом? Он же совсем ребёнок!

– Он не просто ребёнок, – резко ответил Вик. – Он станет императором в своё время, и должен вести себя так, как положено императору.

– Что вы понимаете в детях! – пробормотала я, касаясь перил крыльца. – Боже, как же это красиво! Почему вы не строите всё из этого камня?

Под моей ладонью разноцветный холод словно ожил, вспыхнул тысячами искр, и я испуганно отдернула руку. Вик приблизился, словно желая проверить догадку, провёл пальцами по тому же месту перил, но искры уже улеглись и успокоились. Покачивая головой, советник взглянул на меня с прищуром, но ничего не сказал, просто кивком пригласил следовать за ним. Интересно, почему камень блестит сильнее, когда я его трогаю? Ладно, потом разберусь. А пока...

Швейцар в ливрее распахнул перед нами двери и склонился в поклоне. Внимательно оглядев статного мужчину среднего возраста, я заметила, что на спине его ливреи есть длинные разрезы, задрапированные тканью. Наверняка для крыльев! Ох, даже представить не могу, какую мне дадут одежду! Хотя, увидев в огромном холле, похожем на зал католической церкви, двух женщин в длинных до пола платьях, в длинных же жилетах поверх, застёгнутых на одну пуговицу чуть выше пояса, и в полупрозрачных платках, скрывающих волосы, поняла, что одеваться в этом мире будет весело.

Вик не поздоровался ни со швейцаром, ни с женщинами, из чего я заключила, что вежливость знати здесь на прислугу не распространяется. Никоим образом. Можно даже смотреть сквозь неё. А вот служанки должны приседать, причём достаточно глубоко. Что женщины и сделали, впрочем, на меня они смотрели с большим любопытством. А я кивнула им, наверное, по привычке: ну как оставить без внимания, когда кто-то приветствует?

Повинуясь жесту советника, я последовала за ним, мы пересекли холл и свернули направо. Пытаясь вспомнить внешний вид замка, я решила, что правое крыло вело вдоль склона холма к круглой угловой башне с изящным шпилем. Там ли комната Некса? Или там живёт обслуживающий персонал? Но Вик тронул небольшую и весьма реалистичную статую свернувшегося в кольцо дракона с

длинным телом, вырезанную из того же яркого камня. Глаза дракона медленно приоткрылись и вспыхнули алым огнём, и я даже взвизгнула – не то от неожиданности, не то от восхищения. Живая статуя, надо же!

Через несколько секунд перед нами появился ещё один мужчина – с гривой абсолютно белых, похоже, седых волос, представительный и прямой как палка. Одет он был в ливрею, почти такую же, как у швейцара, но потемнее и гораздо свободнее. Длинный камзол был распахнут на толстом животике, а на груди висело странное кольцо из кривоватых, загнутых клыков. Вик обратился к старику с некоторой долей уважения:

– Эвьер Радориван, прошу вас устроить эсси Машу в покоях бывшей гувернантки его императорского высочества.

Глаза старика удивлённо блеснули в мою сторону, но он только поклонился – совсем не так глубоко, как швейцар, и провёл пальцами по колье. Выбрав один из зубов, снял его со шнурка и жестом пригласил нас обоих следовать на лестницу. Но Вик качнул головой:

– Эвьер Радориван, мне необходимо привести себя в порядок и увидеться с его императорским величеством. Прошу оказать эсси Маше всяческое внимание и устроить её со всеми удобствами.

– Сделаем всё в самом лучшем виде, эвьер Эвиксандори, – снова поклонился старик. – Эсси Маша...

На моём имени он запнулся и недоверчиво оглядел с ног до головы. Вик вмешался:

– Благочестивая Маша, возможно, у вас есть другая форма имени? Чуть подлиннее?

– Моё полное имя Макария, – со вздохом произнесла я. – Но я его терпеть не могу.

– Прекрасно, – оживился Вик. – Эсси Макария – новая няня его императорского высочества.

Эвьер Радориван, похоже, даже облегчённо вздохнул. У них точно какая-то заморочка с этими непроезжими именами! Надо об этом узнать побольше. Но пока мне придётся идти за стариком, который, вероятно, играет роль ключника в замке. Уф... Как тут всё сложно!

Вик остался в холле, а я поднялась по широченной лестнице, покрытой ковром, явно кожаным. Интересно, они всё делают из кожи домашних динозавров? Но вот эти гобелены на стенах – тканые, из толстых нитей. Но такие реалистичные! Драконы – самые настоящие, те летающие бестии, которых у нас рисуют в книжках со сказками. И сцены охоты brutальных крылатых мужчин на огромных динозавров. А вот и сценка пасторального быта: девушки с крыльями и рожками собирают охапки скошенной травы, такие огромные и толстые, что невольно проникаешься уважением к силе драконьих женщин. Пейзажи: скалистые горы, изумрудные холмы с перевязями из кудрявых полос лиственных деревьев и пальм, поселения с бамбуковыми домиками и лежащими у дверей собаками-велоцирапторами. Всё как у нас. Всё, как в моём мире. И всё настолько другое, немного чуждое, но в то же время притягательное и сказочное.

– Благочестивая Макария, – старик остановился, снова отвешивая поклон, и указал мне на радужную дверь между гобеленов. – Вот здесь ваши покои. Сейчас я открою их и позову служанок, чтобы они прибрали комнаты. Вам стоит подождать на балконе, я распоряжусь принести освежающие напитки и фрукты.

Эвьер Радориван, которого мне всё время хотелось назвать Иваном – так он был похож на русского крепостного, которого барин возвёл в должность управляющего усадьбой, провёл клыкком возле дверного проёма, и дверь отъехала в стену, пропуская нас. А я с новым поклоном получила клык в руку. Ого, это мне теперь придётся извращаться и пытаться бесконтактно открывать собственную спальню? А если не получится?

– Ваши покои, благочестивая Макария, – объявил ключник, пропуская меня вперёд.

Ну что же, очень милые покои. Большая комната с почему-то закруглёнными углами и двумя высокими стрельчатыми окнами. На потолке – странные узоры из переливов радужного камня в виде спиралей и завитушек. Мебель оценить не удалось, потому что она была покрыта кожаными (опять кожаными!) чехлами. Вместо столика у предполагаемого дивана из пола тянулось некое широколистное растение. Прямо из пола, из мозаики – чудо чудное! Как это

прелестно! Выпить кофе и поставить чашечку на круглый, изумрудно-зелёный лист. А вдруг он прогнётся и чашка упадёт? Я прошла к этому столику и надела на лист. Он спружинил совсем чуть-чуть, но не согнулся.

– Как классно! – выдохнула я, взглянув на «Ивана». Ключник поклонился, видимо, не зная, что ответить. Потом взял себя в руки и с достоинством напомнил:

– Вам стоило бы подождать на балконе, пока служанки приберут покои, эсси Макария.

– Хорошо, – согласилась я. Балкон так балкон.

Видала я такие балконы. Ну, в смысле, видала я их. А вот такого – никогда. Хотя чему я удивляюсь? Разве в этом мире, в комнате радужного замка, где живут драконы, могут быть обычные навесные балконы? Я прошла через комнату, любуясь переливающимися узорами на стенах, и оказалась на огромном выросте, похожем на гигантский гриб. Такие растут в лесу на деревьях: большие лопухи с неглубокой воронкой в центре. На моём грибе было прохладно, но страшновато, несмотря на загибающиеся края, служащие оградой. А ещё там было несколько выступов, очень напоминающих выгнутый диванчик. На один из них я и присела, разглядывая открывающийся с высоты пейзаж.

А он впечатлял. Ещё немного, и я окончательно влюблюсь в этот мир! Холмы, покрытые лесами, а кое-где – террасами распаханых полей, сады с деревьями, то перевитые лианами, то усеянные гроздьями ярких цветов, и луга с крохотными точками пасущихся животных. Ярко-синее небо с тускловатым солнцем, голубеющее к горизонту, а у самой линии становящееся розовато-сиреневым. Почти видимый густой ветерок, обдувающий замок, приносящий прохладу. Птицы в небе – косяк больших толстобрюхих птиц – реющие высоко и далеко, а над ними – тень в три раза большая всего косяка. Птеродактиль? Я поёжилась, но решила, что эта бандура не полетит к стенам замка, чтобы съесть меня, если в небе у него полно еды.

– Благочестивая эсси!

Обернувшись, я увидела миловидную девушку с простоватыми чертами лица. Она принесла чеканный поднос, покрытый тонкотканной салфеткой, на котором

стояли несколько кубков из красного металла, украшенных жёлтыми камнями, и нечто вроде тарелки – просто круг, на котором лежали круглые и вытянутые, большие и маленькие фрукты всех цветов радуги. Был даже синий и плоский, как медальон. Девушка поставила поднос на один из выступов гриба, присела передо мной в реверансе, сложив руки на груди, и на несколько секунд приняла парадное воплощение. Всё, как и у Вика: чешуйки на половине лица, крылья, когти, крохотные рожки. Я даже вздрогнула от неожиданности и спросила с неудовольствием:

– Зачем вы это делаете?

– Простите, благочестивая эсси? – девушка выглядела обескураженной, и я пояснила:

– Ну... Вот это вот показываете?

– Но ведь... так принято... по этикету, – пролепетала она. – Благочестивая эсси не представится?

– Меня зовут Маша, – на автомате ответила я и только потом осознала, что служанка ждёт, когда я выпущу крылышки. Добавила с улыбкой: – У меня нет ни крыльев, ни рожек. Уж простите!

Я думала, она упадёт в обморок от ужаса, но девушка сдержалась. Крепкие нервы. Она опустила глаза, снова присела в реверансе и сказала почти нормальным голосом:

– Я Вей, благочестивая эсси, ваша личная горничная. Мне хотелось бы задать вам вопрос, но я не смею.

– Задавайте, – разрешила я, берясь за кубок. Питьё было свежим, прохладным, неожиданно со вкусом вишни и нотками травяного чая. Вей робко спросила:

– Благочестивая эсси прибыла к нам из неизвестного мира?

– Благочестивая эсси из мира людей, – с иронией ответила я и добавила: – И называйте меня Машей, пожалуйста.

– Эсси Маша, вам не следовало бы называть меня на «вы», – Вей ещё раз присела в реверансе. – Я всего лишь служанка, первая ступень, самая низкая. Простите меня, мне надо убраться в ваших покоях. Наслаждайтесь свежестью фруктов, благочестивая эсси.

– Походу, я скоро начну кусаться при слове «благочестивая»! – пробурчала я, взяла яркий желтый фрукт, похожий на персик, понюхала его. Вей присела и скрылась в комнате. Господи, какие сюрпризы ждут меня ещё в этих стенах? Скорей бы мои животные оказались со мной – хоть что-то привычное рядом! Иначе недолго и свихнуться. А свихиваться мне совсем не хотелось. Я тут на задании: я нужна малышу Нексу. Как пройдёт его аудиенция с венценосным папаней-императором?

Глава 6. Аудиенция и этикет

«Персик» был хорош. И вкусом, и запахом, и даже косточкой напоминал наш, нормальный персик. Правда внутри он был ярко-красным. А снаружи жёлтым. Я с удовольствием съела его, облизывая пальцы от сока, а потом запила вишнёво-травяным чаем. Ветерок обдувал мои волосы, и я распустила их, потрясла головой, закрыв глаза. Как всё-таки здесь душно! Почему никто не придумал кондиционер? Хотя, о чём я... Драконы привыкли. Что там случилось с нашей планетой, что в моём мире динозавры вымерли или все превратились в птичек и рептилий? Комета? А тут она не упала?

– Благочестивая эсси...

Вей снова сидела в реверансе на входе на балкон. Я вздохнула:

– Можно попросить? Давай, я буду просто Машей, когда нас никто не слышит?

– Но... этикет... – пробормотала девушка.

– Я с ума сойду. Я совсем не благочестивая! Хочешь, докажу? Могу поджечь замок!

– Что вы, благочес... эсси Маша! Не надо! – испугалась Вей. – Давайте лучше я покажу вам ваши покои!

– Покои как покои, что там показывать? Не Эрмитаж ведь!

– Проследуйте за мной, прошу вас, благ... эсси Маша, – и девушка снова присела. Боже, какие у неё должны быть шикарные мышцы ног – делать такую акробатику по пятьдесят раз в день! Может, и мне научиться?

Я проследовала. И была приятно удивлена. Оказалось, то, что я видела – это всего лишь гостиная. А мне полагались ещё и спальня, и туалетная комната, и кабинет. С мебели сняли чехлы, обнажив отнюдь не мягкие сиденья: все диванчики и стулья были плетёными, жёсткими, с чуть волнистой поверхностью. Я понадеялась, что кровать всё же окажется с матрасом, но нет. Это была простая лежанка с циновкой из лиан. Вместо подушек – свёрнутые в несколько раз такие же циновки. На чём же мне спать? Я так не могу! Я буду ворочаться целую ночь и не усну! Хорошо хоть собакам и кошкам взяла матрасики.

– Вей, вы спите на голых досках? – спросила я, чтобы хоть что-то сказать.

Служанка глянула на меня уже не удивлённо, а с улыбкой, может, привыкла к мысли, что я с чудачествами:

– А вы попробуйте, эсси Маша.

Я попробовала. Села на кровать. И вскочила, оглядывая её. Снова села. Кровать оказалась мягкой, словно пружинила невидимая подушка. Господи, чудо чудное! Зато не будет клещей и аллергии. Так, ладно, всё это лирика, меня ждут многие дивные дива, хватит уже удивляться. Надо бы помыться, переодеться и узнать, где мои собачки и кошечки.

– Вей, где тут ванна?

– Вы имеете в виду туалетную комнату, благоче... ох, простите меня, эсси Маша, я всё никак не могу привыкнуть!

– Да, да, мне нужна туалетная комната – где есть ванна, унитаз или что-то подобное.

Вей провела рукой вдоль косяка маленькой двери, которая тут же уехала в стену, и гордым жестом указала:

– Пожалуйста!

Подхватившись, я подошла и оторопела. Нет, всё можно понять в этом мире. Всё, кроме туалетной комнаты, наполненной слоем золотистого ровненького песка. Мысли из головы испарились, только одна в виде маленького тараканчика упала на колени, заламывая руки и причитая: «Что это такое? Что это?»

– У меня два вопроса, – медленно сказала я Вей, когда обрела способность говорить. – Зачем здесь песок и где здесь вода?

– Но, эсси... В туалетной комнате всегда песок! – растерялась служанка, а потом снова присела в реверансе: – Простите мою глупость, вы не дракон. Вам нужна вода для ежедневного туалета?

– Да, мне нужна вода. И унитаз... канализация... дырочка в полу... Это понятно?

Вей испуганно смотрела на меня. А я начала злиться:

– Алё, ты меня понимаешь? Очнись! Мне надо облегчиться! Сходить в туалет!

– Для этого существует туалетная комната, – пролепетала девушка. – Вот здесь есть уголок облегчения, песок после очищается и засыпается новый! Хотите испытать?

– Хочу! – рявкнула я и ступила на песок. В яростном порыве махнула рукой. Как они делают так, чтобы двери закрывались? Обернулась, чтобы попросить Вей отойти, и увидела, что дверь плавно выехала из стены и скрыла от меня служанку. Ничего себе! Значит, все эти их штучки с живыми статуями и дверьми без замков действуют и со мной? У людей тоже есть психокинетические способности, но высвобождаются они только в мире драконов? А, всё равно! Если я сейчас не схожу в туалет, то лопну!

В уголке, на который мне указала Вей, находилось кресло. Плетёное и без сиденья. Согласна, отдалённо напоминает стульчак. Будем пробовать. В конце концов, хуже туалетов, чем в детдоме, мне не найти.

Впрочем, я зря беспокоилась. У драконов, очевидно очень дотошных, продумано было всё. Сделав свои грязные делишки, я поднялась с туалетного кресла и увидела, как песок в углублении шевелится сам по себе. Будто большая невидимая лопатка просеивает наполнитель в кошачьем лотке, только кверху ногами. Все следы моего пребывания мгновенно скрылись под слоем выступившего чистого песка. Интересное техническое решение! Теперь бы ещё руки где-то помыть.

Я огляделась, но воды или чего-нибудь похожего на краны в туалетной комнате не было. Зато я услышала из-за двери голос Вей:

– Эсси Маша, я принесла вам сосуд воды!

Отлично! Я снова замахнулась на дверь, мысленно приказав ей открыться, и она меня снова послушалась. Вей мило улыбнулась, держа в руках нечто, напоминающее ночной горшок:

– Вот, эсси Маша, вам хватит для туалета?

– Сполоснуть только, – пробормотала я. – Полей, пожалуйста.

Когда туалет был закончен и мы вернулись в комнату, по покоем пронёсся лёгкий мелодичный свист. словно один из моих щеглов выучил новую трель. Я глянула на Вей. Та пояснила:

– Кто-то пришёл. Желаете, чтобы я открыла, эсси Маша?

– Открой, – пожав плечами, ответила я. Симпатичный дверной звонок.

Вошедший слегка ошарашил меня. Совсем молодой мальчик – лет пятнадцать по земным меркам – одетый вычурно с восточными нотками: сапожки, шаровары, лёгкая рубашка без пуговиц и нечто вроде панамы с широкими полями. Он на мгновение показал своё парадное воплощение (видимо, такова форма

приветствия у драконов) и провозгласил:

– Эсси Макария, няня его императорского высочества, вызывается на частную аудиенцию к его императорскому величеству Рандаверилокурту Итарийскому Эриданскому!

– Прелестно! – в тон ему ответила я. – Но мне нечего надеть!

Глашатай поклонился и отступил в сторону. Большой, очень большой, нет – огромный мужчина с вздутыми мускулами, рвущими рукава рубашки, внёс в комнату плетёную закрытую корзину. Ну как внёс... Отдуваясь и пытая притащил. Поставил в центре комнаты и поклонился.

– Это одежда? – спросила я у Вей. Та кивнула:

– Полагаю, что да, благочестивая эсси.

– Тогда, – я обернулась к подростку, – передайте его императорскому величеству, что я оденусь и приду.

Глашатай снова поклонился и с достоинством ответил:

– Мне поручено препроводить благочестивую эсси.

– Тогда ждите за дверью. – Я склонилась над корзиной: – Вей, как это открывается?

– Никаких секретов, благочестивая эсси, – ответила служанка, опасливо оглянувшись на закрытую дверь. – Вот ваш гардероб.

Она просто откинула крышку корзины и принялась вынимать тряпки. Платья, юбки, какие-то жилетики, рубашки, вуальки... Мне стало страшно. В этом жутком климате, в этой влажной жаре носить столько слоёв! Я или задохнусь, или захлебнусь в собственном поту! Вот моей служанке совершенно комфортно в её капустных листьях. Но она привыкла. А как быть мне?

– Я помру, – обречённо сказала самой себе. – Помру или грохнусь в обморок перед императором.

– Эсси Маша, но ведь корсеты отменили тридцать лет назад, – удивлённо обернулась ко мне Вей, раскладывая одежду на диванчике. – Раньше дамы часто падали без чувств, в нашем климате это неудивительно. Теперь подобные случаи весьма редки.

– Мне и без корсета очень жарко. – Я потрогала край платья и удивилась. Ткань была струящейся, вроде шёлка, но ещё глаже и как будто даже жирнее. Чем они тут кормят шелкопрядов – сметанкой и маслицем?

– Вы скоро привыкнете, эсси Маша, – с воодушевлением ответила Вей. – Думаю, вот это прекрасное платье подойдёт для аудиенции с венценосным императором!

Подойдёт, ясна поляна! Всё подойдёт, кроме моих джинсов. Я пожала плечами и принялась раздеваться. Сейчас натяну платье и схожу к папочке Некса. Может, удастся узнать, почему малыш оказался в морозном лесу один.

– Нет! – возопила Вей, вскинув руки, и тут же закрыла ладонью рот. Я вздрогнула:

– Что такое?

– Сначала это!

Она подала мне что-то вроде утягивающих панталон – из тонкой светлой кожи, будто змеиной. Я не удержалась и хрюкнула:

– Что это?

– Это бельё, – присела в реверансе Вей. – Все эсси должны носить такое, эсси Маша.

– Пусть носят. Я буду носить своё. Иначе привет, грибок и МСТ! Давай платье.

– Эсси...

– Платье!

– Ещё рубашка.

– Хорошо, давай послойно, – сдалась я. – Только не заматывай меня в сто одёжек!

– Вам надо одеваться с достоинством эсси, – слегка наставительным тоном произнесла Вей, стаскивая с меня футболку. – Я понимаю, что у вас другая мода, но император не терпит даже иностранных послов, одетых не по моде Эридана.

– Какой интересный император, – пробормотала я. – Это похоже на неуважение.

– Простите, эсси Маша, но я не могу говорить с вами об императоре, – почти шёпотом ответила Вей, пряча лицо. Она помогла мне натянуть тонкую, чуть приталенную рубашку, а сверху нежно-серое, цвета пасмурного неба над городом платье. У него был глубокий вырез, обнаживший плечи, а ткань неожиданно плотно обтянула грудь, одновременно чуть приподняв не хуже любого пуш-апа! Прелесть какая! Интересно, а мне надо делать реверанс перед императором?

– Вей, скажи... Ой, нет, не надо эту фату!

Девушка неумолимо закрепила вуаль на моих волосах, разложила кружева по плечам, а потом умилилась:

– Эсси Маша, вы великолепно выглядите!

– Ненавижу шапки, платочки, ненавижу шпильки... – пробормотала я, покрутив головой, чтобы убедиться, что вуаль не упадёт в самый ответственный момент.

– Когда у нас будет больше времени, я сделаю вам причёску, как у дам-хранительниц, – пообещала служанка. – Простите, вы хотели что-то спросить, эсси Маша?

– Мне нужно присесть, как ты это делаешь, когда я буду перед императором?

Я попробовала реверанс, который видела в исторических фильмах, но Вей покачала головой:

– Прошу прощения, эсси Маша, вы немного неправильно сгибаете ноги. Нужно отставлять думающую ногу дальше в сторону.

– Это чем думает моя нога? – озадачилась я. – Правую или левую?

– Вот эта сторона, – Вей встала рядом со мной и указала на правую руку, – думающая. А эта, – она легонько взмахнула левой кистью, – любящая.

– Отлично. Правая думает, левая любит. Проще пареной репы. Значит, эту ногу вообще на край света отодвинуть?

Вей продемонстрировала правильный реверанс. В самом деле, когда я скользнула правой ногой в сторону, мне удалось присесть, почти как служанка. Та критически осмотрела мой неуклюжий реверанс и махнула рукой:

– Ничего страшного, эсси Маша, с должным усердием и упражнениями у вас всё получится. Да и венценосный император не будет сердиться, если вы выкажете достаточно покорности и благолепия.

– Надеюсь.

Мне вдруг стало не по себе. Что там за император такой, что его все боятся аж до дрожи в коленках?

– Так мне того... идти?

– Я буду ждать вас в покоях, эсси Маша, – Вей ещё раз показала, как надо приседать. Никогда не научусь. Хотя немного похоже на стретчинг, которым я увлекалась лет в пятнадцать.

Я двинулась к двери, машинально ища ручку, чтобы нажать. Оказалось, что работает и так. Наверняка тут дело в моих мыслях, даже бессознательных. В

открывшемся проёме я увидела скучающего глашатая, который сразу выпрямился и принял свой горделивый вид. Жестом подросток пригласил меня следовать за ним. Со вздохом я обернулась на комнату: вернусь ли сюда? А вдруг я императору не понравлюсь и он велит меня казнить? Вдруг Вик попросту заманил глупую дурочку в логово дикого зверя, любимым развлечением которого является поджаривание и поедание человеческих девушек?

Тьфу, вот уж действительно глупость! Зачем тогда маскарад с комнатами и одеждой? Нет, я няня наследника и должна держаться с достоинством и скромностью. Типа Джейн Эйр. Да, сэр, нет, сэр. Ой нет, ваше величество. Нет, ваше императорское величество.

Мы прошли по длинному коридору, свернули в галерею, где напротив стрельчатых окон с витражами вместо стёкол висели на стенах прекрасные гобелены, но теперь уже с изображениями каких-то правителей. Сплошь мужчины, сплошь молодые красавчики, только одежда разная. Видимо, разные эпохи. Если император так же симпатичен, как эти портреты, то я согласна даже на несколько реверансов!

Галерея завернула налево (в любящую сторону), и мы оказались в зале – вероятно, бальной. Она была пуста, гулка и сверкала полированным полом, сделанным словно из единого куска камня. Глашатай заскользил по нему, я последовала за ним с опаской, но мои кроссовки под платьем крепко цеплялись резиновыми подошвами за гладкую поверхность. Перед нами раздвинулись высокие двери, подросток вошёл первым и громко объявил торжественным голосом:

– Няня его императорского высочества эсси Макария, человек!

Он не смотрел на меня, но я поняла, что надо идти. И что ждёт меня в следующей зале нечто грандиозное.

Это оказалась тронная зала. Огромное кресло, каменное, как и всё в этом замке, радужное, под стать витражам в узких окнах, под стать платьям девушек, стоявших со склоненными головами вдоль стен, под стать камзолам мужчин, сгрудившихся у трона. А на нём сидел дракон. Самый настоящий, никакой там не человек, никакое не парадное воплощение. Просто дракон в чёрной тоге. Крылья, рога, зубастая пасть, налитые кровью глаза, когти, хвост...

Ой ё...

Можно уже падать в обморок? Или сначала попытаться изобразить реверанс?

– Эсси Макария, мы выражаем тебе свою бесконечную благодарность за спасение нашего сына – юного и посему ещё не слишком рассудительного.

Голос императора показался мне рокочущим грохотом водопада.

– Не за что, ваше величество, – пролепетала я, присаживаясь и старательно оттягивая думающую ногу в сторону.

– Мы также выражаем своё бесконечное неудовольствие по поводу твоего присутствия в империи. Люди не должны приходить в этот мир.

– Но... почему? – вырвалось у меня.

Дракон раскрыл пасть, растянув губы, и мне показалось, что он улыбается. На самом деле император фыркнул, выпустив из ноздрей густой белёсый пар:

– Люди! Жестокие, хитрые, самовлюблённые и эгоистичные создания. Ни один из вас не смог и не сможет принести нам ничего полезного без разжигания вражды и уничтожения всего существующего.

Мне стало не по себе. Как этот ящер позволяет себе высказываться о том, чего не знает? Выставить целую расу – мою расу! – убийцами и двуличными сволочами! Это по меньшей мере некорректно, а вообще – оскорбительно. Но как возразить ему? Вон какие клыки и когти, вон сколько народу смотрит на меня с пренебрежением и открытой неприязнью.

Глубоко вздохни, Маша. Уйми колотящееся сердце. Ты же никогда не боялась резать правду-матку в глаза людям! Людям, но не драконам. А чем драконы хуже?

– Со всем уважением к вам, ваше императорское величество, я думаю, что вы неправы.

Шепоток пробежал по рядам подданных. Все они начали переглядываться, то ли удивляясь моей смелости, то ли гадая, через сколько времени меня казнят. Дракон же подался вперёд, и его когти впились в каменные подлокотники трона:

– Ты посмела нам перечить?

– Вы не можете знать о людях то, что знаю о них я. Да и обо мне больше меня самой знать не можете. Никак.

Перешёптывания смолкли. В зале наступила звенящая тишина. Дракон насупился, сдвинув брови, прикрыл глаза. А я с трепетом ждала, когда он снова оживёт. Ох, как отец с сыном похожи! Такие же тупорылые морды, правда, папашина длиннее, такие же загнутые рожки. Господи, почему мне кажется, что венценосный император обдумывает самый мучительный из всех ему известных способов казни?

Его величество снова открыл глаза, приспособив кожистые веки. Его нос пошевелился, морщась, а губы искривились. Наконец, скребнув когтями по подлокотникам, молвил – именно молвил:

– Мы повелеваем. Эсси Макария, ты можешь находиться в империи, сколько пожелаешь. Ты можешь служить няней нашего наследника. Ты можешь пользоваться нашим гостеприимством. Но помни. Лишь один поступок, который выйдет за рамки общепринятых в мире драконов – и ты будешь жестоко наказана.

– Вы меня вышлете в мой мир без зарплаты? – несмотря на пробивший меня озноб, я не удержалась от сарказма. Ответ дракона неожиданно выморозил меня:

– Ты будешь заточена в одиночестве до конца жизни.

Уфти! Какой няша! Одиночное заточение за проступок? Мне что, броситься изучать правила жизни драконов?

– С вашего позволения, – я снова присела в реверансе, – в таком случае мне понадобится учитель этикета.

– Наставники венценосного принца в твоём распоряжении, – дракон повёл лапой в сторону своих придворных, которые отчего-то сжались и отвели взгляды. – Знай, что за примерное служение императору все наши подданные всегда хорошо вознаграждаются.

– Не сомневаюсь в этом, ваше императорское величество, – мне удалось скрыть иронию в голосе с большим трудом. – Я могу идти?

– Иди.

Наверное, надо ещё присесть напоследок? Я изобразила очередной реверанс и попятилась к выходу, прямо как в церкви. Ни за что не повернусь спиной к этому претенциозному чудовищу! Ни за что.

Только в бальной зале, когда за мной закрылись огромные двери, я позволила себе расслабиться и прислониться к холодному камню лбом, а потом и всем телом. Во что я ввязалась? Куда пришла на заклятие, как маленький глупый ягнёнок? Разве я могла подумать, что в мире Некса все будут такими психоригидными и обидчивыми?!

Лёгкий стрёкот – будто гигантский кузнечик прыгнул мне под ноги – заставил меня подскочить на месте и оглянуться. Зверёк, прервавший мои страдания, тоже отпрыгнул в сторону, издав возмущённый писк, а потом потянулся ко мне – доверчиво и дружелюбно. Он отдалённо напоминал ирчи, которые конвоировали нас до замка, но, в отличие от них, был совсем маленьким, красовался густыми блестящими перьями, переливающимися от ярко-малинового до королевского синего, а ещё высоким жёстким гребешком от макушки до кончика длинного хвоста. Умные глазки малыша смотрели на меня неотрывно, передние лапки были умильно сложены на груди, а раздвоенный язычок постоянно шарил в воздухе из приоткрытой пасти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.com/grin_ul-yana/nyanya-dlya-drakoshi

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)